
Алиса Вернер
Последний поезд до завтра

Алиса Вернер

Последний поезд до завтра

«Автор»
2026

Вернер А.

Последний поезд до завтра / А. Вернер — «Автор», 2026

В мире, где можно продать собственное завтра, любовь становится самой опасной сделкой.Вера Арден ищет пропавшего брата. Единственная зацепка приводит её к таинственному поезду, который перевозит не пассажиров, а украденное человеческое время.Илья Северин знает секрет этого поезда. Когда-то он продал все свои будущие дни, и теперь на его счету остались считаные часы.Вместе они раскрывают страшную правду: временем торгуют те, кто обещал защищать человеческие жизни. Но чем ближе Вера к разгадке, тем опаснее становится её любовь к человеку, у которого почти не осталось завтра.Чтобы спасти брата и разоблачить преступную систему, ей придётся сделать невозможный выбор.**Можно ли подарить будущее тому, кто уже продал его?**История о любви, предательстве, цене человеческой жизни и надежде, которая сильнее времени.

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена утра 6
Глава 2. Человек без вторника 11
Глава 3. Тринадцатый вагон 18
Глава 4. Ошибка в реестре 25
Глава 5. Письмо из неслучившегося утра 31
Глава 6. Долг за тишину 41
Глава 7. Семь минут под мостом 49
Глава 8. Неучтённые 56
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Алиса Вернер
Последний поезд до завтра

Последний поезд до завтра
Алиса Вернер
Роман

Глава 1. Цена утра

Вера ненавидела звук вокзальных часов с того утра, когда узнала, что время умеет уходить не только вперёд.

На Северном терминале часы висели над всеми выходами — круглые, белые, с тонкими чёрными стрелками. Они показывали разные минуты, но это никого не смущало. У каждого пассажира было собственное завтра, и город давно привык, что чужое время не обязано совпадать с твоим.

Вера остановилась перед турникетом, достала удостоверение архивного инженера и приложила его к считывателю. Экран не загорелся. Она попробовала ещё раз.

— Не обслуживаем по служебным пропускам, — сказал охранник, не поднимая глаз от бумажного стаканчика. — Только по личному счёту.

— Мне не нужен поезд. Мне нужно бюро возвратов.

Теперь он посмотрел на неё. Люди, спрашивавшие о возвратах, обычно либо плакали, либо кричали. Вера не делала ни того ни другого, и это, кажется, насторожило его сильнее.

— Третий уровень. Окно шесть. Но если контракт подтверждён, ничего не вернут.

— Контракта не было.

Охранник сдвинул стаканчик в сторону.

— Так все говорят.

Он разблокировал узкую боковую калитку, и Вера прошла внутрь, не поблагодарив. Не потому, что хотела быть грубой. Просто с тех пор, как в семь утра ей позвонили из службы учёта и сообщили о закрытии дела Льва, каждое вежливое слово казалось ей лишней тратой сил.

Лев не отвечал на сообщения вторые сутки. Вчера это ещё можно было объяснить: её младший брат работал монтажником на линии ночных экспрессов, часто выходил в тоннели, где связь глушили защитные экраны. Но сегодня утром его квартира оказалась опечатана, а в городском реестре возле имени стояла сухая отметка: «Время реализовано. Дальнейшее обслуживание прекращено».

Такие отметки ставили после добровольной продажи всего доступного остатка. Так говорили в новостях, в рекламных роликах и в обязательной памятке, которую выдавали каждому гражданину после совершеннолетия. И никогда — никогда — не ставили человеку, который всего неделю назад помогал сестре выбирать подарок для матери на день рождения.

Вера нажала кнопку лифта. Пока кабина поднималась, она снова открыла последнее сообщение от Льва: «Если успею, зайду в воскресенье. И не покупай маме этот ужасный шарф». Он прислал его вместе с фотографией ярко-оранжевого шарфа на витрине. Под сообщением осталось серое «доставлено».

Она машинально потёрла большим пальцем трещину на защитном стекле телефона. Трещина шла от нижнего края к центру, точно линия на карте, которая обрывалась посреди пустоты.

На третьем уровне пахло озоном, кофе и мокрой шерстью. Электронная очередь состояла из сорока восьми человек. Женщина в синем пальто спала на пластиковом кресле, обнимая пакет с детскими ботинками. У дверей кабинета кто-то тихо, очень ровно повторял: «Он не мог подписать. Он левша».

Вера взяла талон и подошла к шестому окну, хотя её номер ещё не вызвали.

— Мне нужно проверить одно начисление, — сказала она.

За стеклом сидел человек с безупречно прямым пробором. На столе у него стоял деревянный календарь, отстающий на три дня.

— Дождитесь очереди.

— Мой брат исчез. Его дело закрыли сегодня. Вот номер записи.

Она пододвинула телефон к узкой щели. Служащий не взглянул.

— Дождитесь очереди.

— Если вы откроете запись, то увидите, что она противоречит собственному протоколу. Передача суток должна подтверждаться биометрией обеих сторон. Здесь указана продажа без принимающей стороны.

Он наконец поднял глаза.

— Откуда вы знаете, что здесь указано?

— Я работаю с архивами транспортного ведомства. У нас одна структура данных.

— Значит, вы также должны знать, что служебные сведения не предназначены для родственников.

— Я не прошу служебных сведений. Я прошу подтвердить, что он жив.

Три секунды мужчина смотрел на неё, будто выбирал между сочувствием и инструкцией. Победила инструкция.

— Следующий по очереди.

Она могла бы повысить голос. Могла бы ударить ладонью по стеклу, добиться охраны и, возможно, появиться в вечернем выпуске новостей под подписью «агрессивная родственница нарушителя контракта». Но Лев всегда смеялся над её привычкой спорить с запертыми дверями вместо того, чтобы искать ключ.

Вера отошла к автомату с кофе. Там, возле служебного выхода, стоял высокий мужчина в тёмном пальто. Его волосы были подстрижены неровно, как будто он сделал это сам, а из-под рукава торчал узкий браслет гражданского времени. На браслете светились красные цифры.

19:07:14.

Вера невольно задержала взгляд. У большинства людей устройство показывало не часы, а годы и месяцы; увидеть остаток меньше суток можно было только в бюро, у нотариуса или на похоронах.

— Не советую смотреть так долго, — сказал мужчина. — Люди решат, что вы хотите одолжить у меня утро.

Голос у него был спокойный, без попытки пошутить, и от этого фраза прозвучала ещё страннее.

— У вас нечего одалживать.

— Вот именно.

Он поставил на подоконник пустой стакан. На костяшках его пальцев были свежие царапины, мелкие и параллельные, словно он недавно вытаскивал руку из узкого металлического отверстия.

— Шестое окно вам не поможет, — продолжил он.

— Вы подслушивали?

— Здесь все подслушивают. Очередь движется слишком медленно, чтобы заниматься чем-то другим.

Вера отвернулась к кофейному автомату. На экране мигнуло предложение: «Бессонная ночь? Купите дополнительное утро в рассрочку». Она нажала «без сахара», но автомат выдал только горячую воду.

— Отличное место, — заметила она.

— Зато здесь не врут насчёт качества кофе.

Мужчина протянул ей свой нераспечатанный пакетик растворимого.

— Мне не нужно.

— Я и не настаиваю.

Он убрал пакетик. Любой другой на его месте спросил бы, кого она потеряла, и попытался бы произнести что-нибудь утешительное. Этот человек, похоже, не собирался претендовать на её историю.

— Если запись действительно без принимающей стороны, — сказал он через некоторое время, — вам нужен не возврат. Вам нужна ведомость отгрузки.

Вера медленно повернулась.

— Отгрузки чего?

— Суток.

— Время не грузят в вагоны.

— В рекламе — нет.

Из-за двери служебного коридора вышли двое сотрудников в серых куртках. Один нёс плоский металлический кейс, второй держал на поводке маленькую собаку. Мужчина рядом с Верой сразу умолк. Сотрудники прошли мимо, и только тогда он продолжил:

— В вашем брате меня интересует одна вещь: он работал на линии ночных экспрессов?

— Откуда вы знаете, что у меня есть брат?

— Вы сказали это служащему. А ещё у вас на телефоне открыт его снимок. Я не шпион, просто умею смотреть.

Вера перевернула телефон экраном вниз. На фотографии Лев стоял в оранжевой монтажной каске и щурился на солнце. Позади тянулись рельсы, заканчивавшиеся у бетонной стены.

— Он работал там. И что?

— Тогда проверьте, не числится ли он на рейсе сорок семь. Если числится — я могу показать, где искать ведомость.

— Такого рейса нет.

Мужчина чуть улыбнулся.

— Это его главное преимущество.

Вера присмотрелась к нему. Тёмное пальто было дорогим, но на левом кармане виднелся старый прожог. На запястье — красный счётчик. На лице — усталость, не похожая на бессонницу. Он стоял у стены так, чтобы видеть и коридор, и лифт, и выход к лестнице.

— Назовите имя.

— Илья Северин.

Она знала это имя. Три года назад его печатали в газетах рядом со словами «авария в контуре», «внутренний аудит» и «семь погибших». Фотографию тогда сопровождала фраза о служебной халатности. Вера помнила её потому, что Лев после аварии несколько недель отказывался ездить подземкой.

— Вас отстранили после инцидента на Южной ветке.

— Уволили, — поправил Илья. — Отстранение звучит временно.

— Семь человек погибли.

— Да.

Он не произнёс привычного «но». Не стал оправдываться. Вера неожиданно разозлилась именно на это спокойствие.

— И теперь вы продаёте людям сведения об исчезнувших родственниках?

— Нет. Я пытаюсь найти сведения, которые сам когда-то позволил спрятать.

Он посмотрел на цифры браслета. Они уменьшились на минуту, пока разговаривали. Вера заметила, что на нём нет кольца, хотя на пальце осталась светлая полоска.

— Почему вы говорите со мной?

— Потому что вчера ночью на рейсе сорок семь появилась фамилия человека, которого система считает выбывшим. А сегодня вы пришли сюда и назвали такую же фамилию.

Сердце Веры ударило неприятно сильно.

— Вы видели Льва?

— Не видел. Видел запись. Разница важная.

— Покажите.

— Не здесь.

В дальнем конце зала зазвучал сигнал очереди. Женщина с детскими ботинками проснулась и пошла к окну, забыв пакет. Вера окликнула её. Та вернулась, поблагодарила и снова исчезла в очереди. Когда Вера повернулась, Илья уже направлялся к лестнице.

Она догнала его у двери.

— Подождите. Если вы врёте, я это выясню.

— Надеюсь. Людей, которые верят с первого слова, здесь слишком много.

За дверью лестничной клетки было прохладно. Далеко внизу гудела система вентиляции. Илья достал из внутреннего кармана сложенный листок, обычную бумагу, и показал ей одну строку, отпечатанную бледным шрифтом.

«ЛЕВ АРДЕН. ПАССАЖИРСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ. МАРШРУТ 47. ОТГРУЗКА 02:10».

Под строкой стояла дата — завтрашняя.

Вера прочла её дважды. Потом ещё раз. В городском реестре брат был выбывшим со вчерашнего утра. В бумажной ведомости он должен был отправиться завтра ночью.

— Это подделка, — сказала она, потому что слишком хорошо понимала, что означал бы другой ответ.

— Возможно. Проверить можно сегодня в двадцать три сорок на старом грузовом депо. Там появляется состав, которого нет на карте.

— Почему не пойти в полицию?

— Потому что полиция получает список рейсов от тех же людей, которые печатают эту ведомость.

Илья сложил бумагу, но не убрал. Дал ей время снова посмотреть на фамилию брата.

— У вас есть доступ к медицинскому архиву транспортного ведомства? — спросил он.

— Есть. По запросу и с обоснованием.

— Мне нужен один протокол. Не ваш брат. Другой человек. Если вы получите его, я покажу вам депо.

— Вы торгуетесь жизнью Льва.

— Нет. Я предлагаю обмен информацией. И не прошу решать сейчас.

Вера ненавидела, когда собеседник оставлял ей право выбора, которого на самом деле не было. Она могла уйти. Вернуться к окну номер шесть, взять талон, дождаться очереди, а потом услышать ровное: «Время реализовано». Могла написать жалобу и ждать ответа тридцать рабочих дней. А могла прийти в депо и проверить строку на бумаге.

— Мне нужна копия, — сказала она.

Илья оторвал нижнюю половину листа. На ней оставались маршрут, время и завтрашняя дата. Верхнюю часть с фамилией он протянул ей.

— Полной копии не дам. На ней есть метка, по которой находят источник.

— Удобно.

— Очень. Поэтому я ещё жив.

Вера убрала обрывок в карман. Бумага казалась слишком тонкой для того, чтобы выдержать вес надежды.

— Если я приду, это не значит, что я вам доверяю.

— И не должно значить.

Илья открыл дверь на нижнюю площадку и остановился, пропуская её вперёд. Из зала сверху донёсся голос диктора: «Уважаемые пассажиры, напоминаем: купленные сутки возврату не подлежат».

Вера шагнула на лестницу. Через узкое окно было видно город: крыши, рекламные экраны, серый ноябрьский свет. Люди спешили на работу, переносили кофе через дорогу, ругались у светофора. Ни один из них не знал, что кто-то может числиться исчезнувшим вчера и одновременно ждать поезда завтра.

— Илья, — позвала она.

Он поднял взгляд.

— Если у вас осталось девятнадцать часов, зачем вам мой брат?

Илья несколько мгновений молчал.

— Потому что однажды я решил, будто за чужой день можно расплатиться своим. Хочу узнать, где ошибся.

Он спустился первым. Вера осталась у окна, пока его шаги не растворились в шуме вентиляции. Потом открыла календарь и поставила напоминание на двадцать три сорок.

Впервые за двое суток она знала, куда идти. Это было не то же самое, что знать правду. Но это было начало.

Глава 2. Человек без вторника

К одиннадцати вечера дождь превратил Ладен в город отражений. Фары проезжавших машин тянулись по асфальту длинными белыми полосами, рекламные экраны дрожали в чёрной воде, а старые железнодорожные мосты казались перевёрнутыми и подвешенными под улицами. Вера вышла из трамвая за три остановки до грузового депо. На телефоне было 23:06.

Она не любила опаздывать и ещё меньше любила приходить на встречу с человеком, которого однажды признали виновным в гибели семерых. В сумке лежали служебный планшет, фонарь, внешний аккумулятор, две распечатки из открытого реестра и маленькая отвёртка. Отвёртку она взяла не для защиты: привычка носить с собой инструмент была сильнее здравого смысла. Но сейчас она почему-то казалась утешительной.

По дороге Вера ещё раз прослушала последнее голосовое сообщение Льва. Он спрашивал, починила ли она кухонную вытяжку, и обещал принести новые крепления. Голос был совершенно обычным, с улыбкой в конце фразы. Она выключила запись до того, как он сказал «до воскресенья». Воскресенье наступило бы завтра.

У ограды депо светился красный плакат: «ОБЪЕКТ ЗАКРЫТ. ДВИЖЕНИЕ ПРЕКРАЩЕНО В 2079 ГОДУ». Под ним кто-то от руки вывел: «Железо не забывает». Старая надпись была почти смыта, но буквы сохранились в трещинах краски.

Ильи не было. Вера обошла остановку, проверила расписание ночных автобусов и прикинула время, за которое могла бы вернуться на главную улицу. Потом заметила камеру на столбе напротив ворот. Её объектив медленно поворачивался, охватывая пустой подъездной путь. Для закрытого двенадцать лет назад объекта это было неожиданно дорогое наблюдение.

— Не стойте под ней, — произнёс голос за спиной.

Вера резко обернулась. Илья вышел из прохода между складом и кирпичной подстанцией. На нём было то же тёмное пальто; в руке он держал сложенный зонт, которым явно не пользовался.

— Вы опоздали на тридцать четыре минуты, — сказала она.

— Мы договорились на двадцать три сорок.

— А я пришла раньше, чтобы проверить место.

Он посмотрел на часы над остановкой. Их стрелки застыли на без десяти семь.

— Тогда вам удалось проверить главное. Здесь никто не следит за тем, чтобы часы показывали правду.

— Камера следит за воротами.

— Именно. За воротами, не за людьми. Если подойти к ограде по прямой, система запишет лицо. Если пройти вдоль стены под навесом, попадёте только в тепловой сектор. Но и это нам не нужно.

— «Нам»? Я пока ещё не согласилась ни на что.

— Поэтому мы и начнём с доказательства, а не с согласия.

Илья повёл её к стоявшему через дорогу автомату продажи билетов. Корпус был старый, с круглым гнездом под бумажные жетоны. Экран обещал экскурсию по исторической линии и не реагировал на прикосновения. Вера присела перед панелью. Внизу, под заржавевшим винтом, светилась тонкая зелёная полоска.

— Устройство запитано, — сказала она.

— Отдельной линией. Посмотрите на время последней синхронизации.

Она вытащила из сумки фонарь и направила луч под защитный козырёк. На сервисной наклейке кто-то оставил цифровой адрес, а рядом — два ряда букв, обозначавших поколение старого протокола. Вера знала его: такие устройства ещё позволяли получать публичные сведения о движении без авторизации.

— Вы хотите, чтобы я открыла техобслуживание?

— Нет. Если открыть, тревога уйдёт диспетчеру. Попробуйте обычный запрос о прибытии. Эта машина слишком старая, чтобы скрывать то, чего не понимает.

Вера не поверила красивой формулировке, но идея была проверяемой. Она выбрала на экране «Сведения о составе», ввела 47 и дату следующего дня. Автомат несколько секунд шуршал внутри, потом выплюнул узкую бумажную ленту. На ней значилось: «МАРШРУТ НЕ НАЙДЕН». Ниже, мелкими буквами, была строка служебной коррекции: «КАНАЛ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ: ЮЖНЫЙ. ИНТЕРВАЛ 02:10–02:14».

— Интервал, — проговорила Вера. — Для несуществующего рейса.

— Теперь у вас есть не моя бумажка, а ответ независимого терминала.

— Независимого? Он питается от городской сети.

— Отдельной транспортной сети. И вы это только что проверили.

Ей не понравилось, что он заметил, как она слушала работу внутреннего реле. Она сложила ленту пополам. В правом углу был отпечатан необычный знак — две горизонтальные черты с маленьким разрывом между ними. Такой же значок Вера видела однажды в закрытых заявках транспортного архива, куда её отделу запрещали вносить исправления.

— Откуда у вас доступ к этим каналам? — спросила она.

— Когда-то это входило в мою работу.

— А теперь?

— Теперь у меня осталась привычка читать сноски.

Из депо донёсся металлический удар. Не громкий, будто кто-то уронил гаечный ключ на настил. Вера подняла голову. За кирпичной стеной загорелось одно верхнее окно, затем погасло.

— Вы сказали, состав появляется в двадцать три сорок. Сейчас двадцать три тридцать восемь. Где смотреть?

Илья не ответил сразу. Он развернул зонт и показал на его внутренней стороне схему с тремя отметками, нарисованными белым карандашом.

— Из служебного прохода видно стрелку. Состав придёт не раньше полуночи. В двадцать три сорок открывается окно подтверждения: диспетчер получает право перевести маршрут на старую ветку. Это разные события.

— Вы могли сказать об этом утром.

— Мог. Вы бы пришли?

— Если бы речь шла о Льве — да.

Он кивнул так, словно записал поправку к собственным предположениям.

— Тогда вы правы. Я сказал недостаточно точно.

Это было первое за день извинение, которое Вера услышала от мужчины. Он не произнёс самого слова, и всё же признание ошибки оказалось неожиданным.

Они прошли вдоль навеса, где пахло мокрой древесиной и старой смазкой. В конце стены пряталась низкая дверь. Илья не доставал отмычку и не пытался ломать замок. Вместо этого он показал Вере прикреплённую рядом табличку: «ПОСТ ВНЕШНЕГО КОНТРОЛЯ. ДОСТУП ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ». Под табличкой была кнопка вызова, заклеенная прозрачной плёнкой.

— Мы не будем входить, — предупредил он, заметив её взгляд. — Здесь достаточно слышно.

Они остановились под крышей в нескольких шагах от двери. Через стену доносились два голоса, слишком глухие, чтобы разобрать слова. Потом коротко прозвенел электрический сигнал. Илья посмотрел на браслет. На красном дисплее осталось 08:51:32.

Вера не удержалась:

— Утром было девятнадцать часов.

— Сегодня прошло больше десяти.

— И вы всё равно здесь.

— Это пока ещё самая простая часть вечера.

Вера поняла, что смотрит не на человека, который собирается умереть через девять часов, а на человека, которого город считает почти лишним. От этого наблюдения стало не легче.

— Что именно произойдёт, когда ваш счётчик покажет ноль?

— Перестанут открываться двери, которые сейчас открываются. Отменят медицинское обслуживание. По регламенту меня признают выбывшим.

— А физически?

Илья повернулся к ней. Впервые его лицо утратило спокойное, почти служебное выражение.

— Я не знаю, — сказал он. — Меня учили, что обнуление смертельно. Но я видел людей, которых объявляли мёртвыми, а потом слышал их голоса в журнале дежурного. Я предпочёл бы не проверять утверждение на себе.

Вера запомнила не только слова, но и паузу перед ответом. Он не преуменьшал опасность и не требовал сочувствия. Он просто называл предел собственного знания.

В двадцать три сорок под табличкой загорелась белая точка. За дверью кто-то чётко произнёс:

— Принят сорок седьмой. Пустой состав, пассажирское сопровождение — одна единица. Подтвердите ручной канал.

Второй голос ответил слишком тихо. Затем щёлкнул механический переключатель. Издалека, со стороны старого тоннеля, пришёл низкий гул. Вера почувствовала его сначала подошвами ботинок, а уже потом услышала.

Она достала телефон, включила запись звука и положила его экраном вниз на бетонный бортик. На дисплее мелькнуло предупреждение: «Геометка недоступна». Вера не стала пытаться включить её снова. Вместо этого снимала показания своего наручного хронометра, который работал от независимого кварцевого механизма.

— Это не мог быть обычный поезд, — сказала она. — В тоннеле нет питания.

— Значит, кто-то восстановил его без разрешения.

— Или перевёл под землю внешнюю подстанцию. Посмотреть можно по нагрузке в открытых отчётах.

Илья взглянул на неё с почти незаметным уважением.

— Вы не любите объяснений, которые невозможно проверить.

— Я не люблю людей, которые называют догадку объяснением.

Гул приблизился. Над оградой поднялось тусклое освещение вагонных окон, но самого состава с их места видно не было. Свет медленно скользнул по кирпичам, словно кто-то нёс за стеной длинную светящуюся линейку. На секунду в одном окне появилась фигура в оранжевом рабочем жилете.

Вера рванулась к ограде.

Илья перехватил не её руку, а ремень сумки, который зацепился за торчащий железный штырь. Кожа натянулась, пряжка сухо щёлкнула. Вера остановилась сама.

— Не трогайте меня, — сказала она.

Он немедленно отпустил ремень.

— Я удержал сумку. Вы бы упали на ограду.

— Я видела человека.

— Я тоже. Но жилетов в депо сотни.

— У Льва такой же.

— Тогда мы проверим рост, смену и время. Не лицо, которого не видели.

От раздражения у неё защипало глаза. Она отвернулась, сжав телефон так сильно, что трещина на стекле упёрлась в палец. Хотелось возненавидеть Илью за каждое слово, мешавшее немедленно броситься к брату. Но все эти слова были верными.

Свет ушёл в дальний конец пути. Белая точка под табличкой погасла. Прошло всего две минуты.

— Состав не пустой, — сказала Вера.

— Они называют пустым всё, что исключено из публичного учёта.

— Вы знаете это наверняка?

— Знаю, что означает код в ведомости. Кто находится внутри — не видел.

Она подняла телефон. Аудиофайл сохранился, хотя геометка так и не появилась. Независимые часы показывали 23:42. Вера отметила время в блокноте, записала цвет освещения, направление движения и расстояние между вспышками. В школе Лев смеялся над её привычкой составлять протокол даже для разбитой чашки. Теперь она впервые была благодарна себе за эту привычку.

— Если состав вышел отсюда, — сказала она, — он должен попасть на Юго-Западный узел. Его нет в пассажирских графиках, но нагрузка на контактную сеть останется.

— Вы сможете получить данные?

— Только публичные показатели. Служебные — по разрешённому запросу. Я не собираюсь красть пароль коллеги.

— Не прошу.

— А что тогда просите?

Илья вынул из кармана маленькую карточку из плотного синего пластика. На ней не было имени, только номер медицинского дела и печать старого транспортного госпиталя.

— Протокол аварии на Южной линии. Медицинское заключение пациента под номером семь-четыре-два. В публичной версии его нет. Я подал официальный запрос, но мне отказали из-за статуса выбывающего. Вы можете проверить, существует ли законный путь получить его как часть транспортного расследования. Если нет — скажете нет.

Вера не взяла карточку.

— Кто этот пациент?

— Ребёнок, который пережил аварию. Сейчас ей одиннадцать. Она не может получить лечение, пока учреждение считает её повреждение добровольным последствием передачи времени.

— А вам зачем?

— Я обещал её матери, что найду документ, который подтвердит причину травмы.

— Вы могли бы начать с этого утром.

— Вы тогда пытались выяснить, жив ли ваш брат. Чужая боль звучала бы как способ надавить на вас.

Вера посмотрела на закрытую дверь. По ту сторону снова разговаривали, но теперь будничнo, о погоде. Желание достать карточку боролось с недоверием к каждому слову мужчины.

— Вы понимаете, что медицинская информация несовершеннолетнего защищена? У меня нет права просто скачать её из архива.

— Понимаю. У матери есть согласие на выдачу заключения законному представителю. Я принесу оригинал и доверенность. Мне нужен человек, который объяснит, в какой папке спрятан документ и как правильно запросить его через комиссию.

— Это уже другой разговор, — сказала Вера.

Она взяла карточку за край и прочитала номер дважды. Печать была настоящей или чрезвычайно хорошей подделкой. Её отдел однажды переносил архив госпиталя на новые носители; она помнила, что дела после Южной аварии лежали отдельно, потому что повреждённые временные метки ломали автоматическую сортировку.

— У меня есть условие, — продолжила она. — Мы не пользуемся моим служебным доступом без оснований. Не подвергаем риску архивистов. Не распространяем имена пострадавших. И вы не скрываете сведения, от которых зависит безопасность моих действий.

Последнее условие Илья выслушал с таким выражением, будто хотел что-то сказать и не решился.

— Я могу согласиться на первые три без оговорок, — ответил он наконец.

— А на четвёртое?

— Не стану обещать того, чего не уверен, что сумею выполнить. Иногда сведения принадлежат другим людям. Но о непосредственной опасности для вас я не буду молчать.

Вера долго смотрела на него. Он снова оставил ей неудобную честность вместо удобной клятвы.

— Тогда договор неполный.

— Да.

— И временный. До проверки карточки и рейса.

— Согласен.

— Никаких внезапных решений за меня.

— Согласен.

— И никакого обращения со мной как с младшей сестрой, которую надо отвести подальше от неприятностей.

Впервые Илья улыбнулся по-настоящему, коротко и устало.

— Судя по тому, как вы составили протокол из двух минут света на стене, это было бы безнадёжно.

За оградой снова вспыхнул служебный свет. Оба замолчали. У двери появилась женщина в форменном плаще и с папкой под мышкой. Седые волосы она убрала под кепку, глаза — за тёмные очки, хотя стояла ночь. Она увидела Илью и остановилась, не проявив удивления.

— Северин, — сказала женщина. — Если ты решил вернуться, выбрал самое плохое время.

— Эда, я не заходил внутрь.

— Пока.

Женщина посмотрела на Веру, потом на её блокнот.

— Наблюдательница?

— Архивный инженер, — ответила Вера сама. — Вера Арден. Я ищу своего брата.

Имя изменило лицо женщины едва заметно: угол рта напрягся, папка оказалась прижата ближе к боку.

— Здесь ищут вещи, не людей, — произнесла она.

— Тогда зачем у вас в ведомости пассажирское сопровождение?

Илья повернул голову к Вере, словно не ожидал, что она сразу перейдёт к нападению. Эда же медленно сняла очки.

— Кто показал вам ведомость?

— Неважно. Я хочу знать, почему на закрытом объекте сегодня подтвердили несуществующий рейс.

— Потому что иногда диспетчеру приходится принимать поезд, которого нет в расписании. Это не означает, что вам можно идти за ним.

— Я не спрашивала разрешения идти. Я спрашиваю, существует ли он.

Эда выдержала паузу.

— Существует, — сказала она.

Слово было коротким и произнесено без выражения. Но оно весило больше всех бумаг, которые Вера собрала с утра.

— И в нём мой брат?

— Этого я не подтверждала.

— Вы знаете?

Эда не ответила. Вместо этого быстро посмотрела на камеру у ворот. Объектив начал разворачиваться к ним.

— Уходите по двору мастерских, — сказала она. — Не к остановке. Через четыре минуты сюда придёт проверка, и вопросы будут задавать уже не мне.

— Почему вы нам помогаете? — спросила Вера.

— Я пока не помогла. Я только сказала правду, которую можно проверить. Северин знает разницу.

Илья хотел что-то произнести, но женщина подняла руку.

— И не приноси сюда старые долги. Здесь их слишком много.

Она скрылась за дверью. Замок щёлкнул дважды. Через стену вновь донёсся негромкий голос диспетчера, будто ночной разговор вообще не состоялся.

Вера стояла неподвижно. Ей хотелось бежать следом, требовать ещё одно слово, одну фамилию. Но в блокноте уже была запись, которой утром не существовало: живой свидетель подтвердил маршрут сорок семь.

— Кто она? — спросила Вера.

— Эда Мор. Старшая диспетчер. Мне однажды удалось не дать уволить её за неверную отметку в журнале.

— Она не выглядела благодарной.

— Потому что отметка была верной.

Он сказал это так тихо, что Вера не сразу разобрала. Илья посмотрел на браслет. Время уменьшалось. Он натянул рукав, закрывая цифры, и первым направился к мастерским.

За корпусами было темно. Они прошли мимо рядов разобранных вагонных кресел и выехавшей на бок платформы с ржавыми колёсами. Далеко на главной улице проехала сирена, затем ещё одна. Проверка действительно приближалась.

— Эда знала вас ещё до аварии? — спросила Вера.

— Да.

— И считает, что вы ей должны?

— Это сложнее.

— Вы часто так отвечаете.

— Когда говорю простое, мне не верят.

Вера остановилась под навесом и достала бумажную ленту из билетомата. Зелёная надпись от тепла её ладони немного побледнела. Она сфотографировала ленту рядом с циферблатом независимых часов, затем убрала оригинал в сухой карман.

— У нас есть канал подтверждения, независимая отметка времени, свидетель и запись звука. Этого ещё недостаточно, чтобы найти Льва, но достаточно, чтобы не считать меня сумасшедшей.

— Вы и до этого не были сумасшедшей.

— Вы не знаете меня.

— Верно.

Он остановился по другую сторону прохода, оставив между ними безопасное расстояние. В неровном свете фонаря Вера заметила, что на пальцах его правой руки остались следы старых ожогов. Не те свежие царапины, что она видела утром, а белёсые полосы, давно сросшиеся с кожей.

— Скажите одну вещь, — попросила она. — Почему вы не идёте прямо к тому, кто организует эти рейсы?

— Потому что я не смогу доказать, что он их организует. А если приду с обвинением без доказательств, через день не станет ни меня, ни этой старой ведомости.

— Через день вас и так объявят выбывшим.

— Именно поэтому у меня нет права ошибиться в последний раз.

Вера почти сказала, что у людей всегда остаётся право ошибаться. Но вспомнила Льва, чей голос всё ещё жил в её телефоне, и промолчала. Ошибки обходились слишком дорого, чтобы произносить красивые фразы о них.

К половине первого они вышли на пустую набережную. Дождь прекратился. Вера переслала аудиозапись на два собственных защищённых носителя и отключила автоматическую синхронизацию с облаком. Впервые за день она сделала что-то, не связанное с ожиданием ответа от учреждения.

— Завтра я проверю журналы нагрузки, — сказала она. — И выясню, можно ли законно запросить медицинское заключение по вашему делу. Но сначала вы дадите мне контакт матери девочки. Я сама получу подтверждение её согласия.

— Дам.

— Ещё мне нужна точная схема старой ветки.

— Она у меня есть, но смотреть её лучше не здесь.

— Почему?

Он показал на другой берег. Над чёрной водой неподвижно висел рекламный дирижабль с огромной фразой: «ВАШЕ ЗАВТРА — ВАШ ВЫБОР». Под ней, маленькими буквами, мигало время до следующего аукциона суток.

— На схеме есть место, где обрывается государственная сеть, — сказал Илья. — Если мы пойдём туда, назад уже не получится вернуться теми же людьми.

— Это попытка меня напугать?

— Нет. Попытка заранее обозначить цену.

Вера спрятала руки в карманы пальто. В одном лежала лента из автомата, в другом — обрывок бумаги с фамилией брата. За одну ночь у неё появились два независимых доказательства и ни одного ответа, которому можно было бы довериться окончательно.

— Я сама решу, когда идти, — сказала она.

— Я на это и рассчитываю.

На набережной они разошлись: Илья направился к переходу через реку, Вера — к круглосуточной линии трамвая. Она успела сделать несколько шагов, когда он окликнул её.

— Вера. Не ищите в реестре вторник.

Она обернулась.

— Какой вторник?

— Следующий. Когда дойдёте до последовательности дат по маршруту сорок семь, после понедельника будет среда. Не исправляйте ошибку автоматически.

— Откуда вы знаете?

— Однажды я исправил её. После этого исчез первый свидетель.

Илья ушёл, не дожидаясь следующего вопроса. Вера осталась под фонарём и открыла на планшете собственную копию служебного календаря — ту, что была разрешена для домашней проверки архивных расхождений. Она не входила в закрытые реестры. Лишь выбрала публичный график грузовых отправок на ближайшую неделю.

Понедельник. Среда. Четверг.

Между двумя датами зияло пустое поле, не помеченное ни выходным, ни отменённым рейсом. Вера коснулась его кончиком пальца. Экран предложил: «Восстановить последовательность автоматически?»

Она выбрала «Нет».

Теперь она знала, зачем Илья её предупредил. Впервые за годы работы она увидела не ошибочную дату, а отсутствие дня как запись в действующей системе. И где-то в этой пустоте должен был пройти поезд, на котором числился её брат.

Глава 3. Тринадцатый вагон

В 00:47 Вера получила сообщение с незнакомого номера: «Вы не исправили вторник. Это разумно. Если хотите увидеть, что именно исправлять нельзя, будьте у северного входа в мастерские в 01:20. Приходите без служебного планшета». Подписи не было. Через тридцать секунд сообщение исчезло из уведомлений, но Вера успела переписать текст в бумажный блокнот.

Она сидела в пустом трамвае, который пах мокрыми куртками и разогретой проводкой. За окном проскальзывали закрытые лавки. Ещё десять минут назад самым правильным решением казалось поехать домой, поставить чайник и разобрать собранные записи как инженер, а не как сестра, которая в любую минуту готова ошибиться от страха. Теперь телефон лежал на коленях, и экран отражал её лицо — усталое, почти чужое.

Вера позвонила Илье. Он ответил после четвёртого гудка.

— Вы отправили мне сообщение?

— Какое?

Она прочитала текст. На другом конце раздался короткий скрип тормозов: кажется, Илья ещё шёл через мост.

— Северный вход не работает с девяносто первого года, — сказал он. — По крайней мере, официально. Вы где?

— В трамвае. Через две остановки буду у депо.

— Я не просил возвращаться.

— И я не прошу разрешения. Сообщение мог отправить кто угодно. Нужно установить отправителя.

— Тогда не входите одна. Я буду на месте через двенадцать минут.

— Без вас тоже умею считать до двенадцати.

— Я в этом уверен. Поэтому и говорю точное время.

Она положила трубку, не решив, раздражает её его спокойствие или помогает сохранять собственное.

У старой северной мастерской пахло железом и промёрзшим маслом. Вера оставила служебный планшет в автоматической камере хранения на действующей трамвайной станции — записала номер ячейки в блокнот, отключила удалённые оповещения и взяла только личный телефон, механические часы, фонарь и две копии найденных ночью записей. Она не собиралась подставлять коллег: доступа к рабочим системам здесь не было. Однажды её уже просили «на минуту» воспользоваться полномочиями ради семейного дела. Тогда Лев ещё учился в школе и сам первым сказал ей, что неправда не становится безопасной, если её произносят шёпотом.

В 01:17 под навесом появился Илья. Дождь оставил на плечах его пальто тёмные следы. Он не спросил, почему она всё-таки вернулась. Вместо этого протянул сложенную карту старой ветки. На обороте стояла пометка карандашом: «Ревизионная галерея. Доступ по графику обслуживания».

— У нас есть законный способ находиться поблизости? — спросила Вера.

— На территории — нет. Но Эда может оформить присутствие наблюдателей при аварийном осмотре. Если согласится. В вагон это нас не пустит.

— Значит, сначала спросим её.

— Вы всё ещё считаете, что она будет отвечать?

— Она предупредила нас о проверке. Следовательно, умеет выбирать, когда говорить.

Пожилая диспетчер ждала за решётчатой дверью, будто получила приглашение на встречу, о котором никто не рассказывал. В руке у неё был термос; на столе возле старого считывателя лежали две оранжевые жилетки без служебных нашивок.

— Прежде чем начнёте объяснять, почему вы здесь, — сказала Эда, — скажу: я вас не звала.

Вера показала экран с номером отправителя. Эда на мгновение наклонилась, а потом покачала головой.

— Не мой канал. Но тот, кто пользуется им, знает, что сегодня перегоняют тринадцатый модуль. У вас есть приблизительно сорок минут, чтобы перестать быть любопытными и остаться живыми.

— Модуль? — переспросила Вера. — В ведомости указано двенадцать вагонов.

— Там всегда двенадцать. Это облегчает проверку, — ответила Эда без улыбки.

Она положила на стол бланк осмотра. В заголовке стояло: «Визуальное обследование внешней галереи перед техническим составом». Графы для персональных данных оставались пустыми.

— Могу провести вас к наблюдательной площадке как гражданских свидетелей неисправности датчика, — объяснила она. — В аварийном регламенте это предусмотрено. Поставите настоящие имена и подписи. Никаких поддельных пропусков, никаких чужих ключей. Если включится сигнал тревоги, я немедленно выведу вас обратно. Не спорьте.

— А если неисправности нет? — спросила Вера.

Эда взглянула на часы.

— Тогда мне придётся объяснить, почему датчик каждые четырнадцать суток показывает дополнительную массу на пустом пути. И такое объяснение у меня давно готово.

Вера прочла бланк до конца. В нём не было допуска внутрь поезда, и она вслух это отметила. Эда одобрительно кивнула, словно только этого и ждала. Илья подписал первым, Вера — следом. Свой экземпляр Эда выдала каждому; бумага оказалась грубой и настоящей, с водяным знаком аварийной службы.

Они шли по решётчатому переходу, подвешенному над тупиками. Внизу находились старые составы с выбитыми окнами и рельсовые тележки, похожие на перевёрнутых насекомых. Дальше начиналась действующая часть депо. Здесь горели только направленные лампы, и свет ложился на мокрую сталь прямоугольниками, оставляя между ними непроглядные полосы.

— Не касайтесь поручней после красного сигнала, — предупредила Эда. — Локальный контур отстаёт от городской сети. Иногда заземление приходит раньше, чем команда на размыкание.

Вера остановилась.

— Вы говорите о сдвиге синхронизации, а не о неисправной проводке.

— Я говорю о том, что живому человеку не нужно проверять всё собственными пальцами.

На площадке находился старый тензометрический экран. По нему ползла ломаная линия массы, хотя пути под галереей были свободны. Вера присела и увидела, что самописец работал без подключения к городской сети. Эда разрешила сфотографировать показания вместе с отметкой механических часов, но запретила приближаться к опечатанному распределительному щиту.

— Здесь пусто, а линия движется, — сказала Вера.

— В вашем времени здесь пусто, — уточнила Эда. — Когда сюда придёт состав, у него будет собственная область синхронизации. На бумаге это называют компенсацией весового шума. Так спокойнее бухгалтерам.

Илья смотрел не на прибор, а на дальний конец пути, где лампы начали загораться по одной.

— Две десять, — произнёс он. — Он опаздывает относительно нас на двадцать шесть секунд.

— Или мы спешим, — возразила Вера.

— Именно, — сказал Илья. — Пока что оба утверждения верны.

Первой появилась не машина, а звук: низкий гул, от которого задрожала металлическая сетка под ногами. Потом в тёмном проёме возник передний фонарь. Локомотив двигался без слышимого стука колёс, словно состав стоял неподвижно, а галерея медленно ехала навстречу. За кабиной проходили герметичные грузовые вагоны — один, второй, третий. Каждый был помечен белой цифрой и печатью Службы взыскания. Вера считала вслух, чтобы убедиться, что её не обманывают отсветы.

На двенадцатом вагоне поезд кончился. По крайней мере, так показывало изображение с камеры над стрелкой. Но под площадкой самописец продолжал набирать массу. Сетка снова завибрировала, воздух внезапно стал теплее, и по проходу за двенадцатым вагоном поплыл прямоугольный контур, как след от предмета, который ещё не проявился на снимке.

Вера шагнула ближе к ограничительной линии.

— Назад, — тихо сказал Илья.

Она остановилась. В воздухе слабо пахло нагретой пылью и апельсиновой цедрой. На секунду перед ней возникла не картина, а ощущение: солнечный свет на ладони, липкая кожура под ногтём, чья-то весёлая просьба оставить дольку. От неожиданности она схватилась за край жилетки. Вера не ела апельсинов с прошлого Рождества и не могла вспомнить, когда в последний раз слышала такой голос.

— Что это было? — спросила она.

Илья смотрел на пустоту за последним вагоном.

— Не подходите к границе. Система не должна передавать побочные сенсорные сигналы наружу.

— Побочные? Это было воспоминание.

— Ваше?

Вера покачала головой. От собственных воспоминаний оставалось чувство узнавания. Здесь же чужая радость вошла в неё без объяснения, как запах из открытой двери.

Эда выключила свет на площадке, оставив аварийную синюю полосу.

— Контур не удержал оболочку, — сказала она, обращаясь скорее к прибору. — Изоляция тринадцатого нестабильна.

Теперь Вера увидела его. Прозрачность была обманом: вдоль «пустого» участка выступили рёбра металлической рамы, а в глубине загорелись крошечные янтарные индикаторы. Под обшивкой шли плоские кассеты, каждая размером с книжную полку. На одной секунду вспыхнуло число 24:00:00, затем рядом зажёгся другой отсчёт. Это были не часы пассажирского вагона. Это были отдельные интервалы, упакованные и закреплённые в движущемся хранилище.

— В ведомости нет тринадцатого, потому что его невозможно увидеть обычным считывателем, — сказала Вера. — Неправильная синхронизация не скрывает массу. Она скрывает запись о массе.

— Вы делаете вывод раньше доказательства, — ответил Илья, но в его голосе не было упрёка.

— Тогда дайте мне доказательство.

Эда протянула провод от самописца к защищённому бумажному принтеру. Машина медленно выдавила полоску со значениями и отметкой независимого кварцевого генератора. Вера сравнила её с собственными часами. Расхождение составляло двадцать семь секунд. Затем линия массы обрывалась ровно на интервал длиной в один вагон, хотя механический датчик сохранял нагрузку.

— Можно получить копию? — спросила Вера.

— Третью, — сказала Эда. — Первые две я уже спрятала. Каждая в своё время.

Снизу раздался резкий короткий удар. Поезд замедлялся: один из блокираторов на стрелке не подтвердил закрытие. На панели вспыхнул красный сигнал. Эда выругалась так тихо, что слова растворились в гуле.

— Третий шлюз, — сказала она. — Если автоматика решит вернуть состав на резервную ветку, изоляция треснет ещё сильнее. Все за мной, немедленно.

Но Вера уже заметила другое: возле края платформы открылся технологический люк, через который инспекторы могли вручную проверить фиксацию сцепки. Оттуда вышел человек в серой форме, посмотрел на мигающий индикатор и исчез обратно в тамбуре между двенадцатым вагоном и мерцающим модулем. Значит, доступ существовал. И его охраняли не от случайного пассажира, а от того, кто решит спросить, что именно перевозят.

— Илья, — сказала она, — у них есть ручной шлюз.

— Я вижу.

— Через него можно попасть внутрь.

— Можно. И нельзя гарантировать, что вы выйдете в том же состоянии.

— Там мог быть Лев.

Илья долго смотрел на неё. В его лице впервые возникло не спокойствие, а почти болезненное усилие удержать слова.

— Его имя было в ведомости, — сказал он наконец. — Это не доказательство, что он находится в этом модуле.

Вера знала, что он прав. Именно поэтому ей хотелось возненавидеть его на несколько секунд. Вместо этого она достала полоску самописца, накрыла её ладонью от ветра и проверила время.

— Если сейчас уйдём, они перепишут записи, — сказала она. — Мы потеряем физическое подтверждение.

Эда вернулась к ним быстрее, чем ожидалось.

— Вы в вагон не пойдёте. В регламенте осмотра этого нет.

— А вы? — спросила Вера.

— Мой допуск позволяет остановить состав при угрозе утечки. Но не открыть чужие кассеты.

На пульте пискнул вызов. Из динамика послышался мужской голос: «Диспетчер Мор, требуется второй свидетель для фиксации расхождения шлюза. Автоматический журнал не принимает наши данные. У вас есть человек с правом независимого измерения?»

Эда посмотрела на Веру. Та почти физически ощутила, как меняется положение вещей. Её гражданский статус не давал доступа к грузу, но квалификация инженера и подписанный бланк делали её законным внешним свидетелем аварии — если дежурный техник действительно подтвердит запрос.

— Инженер Арден может выполнить внешнюю фиксацию, — ответила Эда в микрофон. — Без вскрытия контейнеров. Она войдёт через инспекторский шлюз под мою ответственность. Подтвердите протокол.

После паузы динамик произнёс: «Подтверждаю. Две минуты до автоматической развязки».

— Ваше решение, — сказала Эда Вере. — Можете остаться здесь. Никто не вправе требовать от вас идти.

— Я иду, — ответила Вера. — Но все измерения будут в двух копиях. Одна остаётся у вас, другую забираю я. Илья идёт со мной?

— Он не имеет действующего служебного допуска. Только как второй гражданский наблюдатель в безопасной зоне, если техник разрешит.

— Разрешите? — спросила Вера Илью.

Он на секунду удивился самому вопросу. Потом коротко кивнул.

— Да. Но если я скажу остановиться, вы сначала остановитесь, а потом спросите почему.

— На две секунды, — сказала она. — Не больше.

— Договорились.

Они спустились по узкой лестнице к инспекторскому шлюзу. Техник в сером комбинезоне проверил подписанный протокол, выдал им изолирующие браслеты и велел держаться внутри жёлтого прямоугольника на полу. Его бейдж гласил «Р. КЕЛЬ». Слишком молодой для такой работы, подумала Вера; потом заметила трещины на его ногтях и перестала думать о возрасте.

Внутри тамбура воздух был сухим и горячим. За матовым стеклом виднелись высокие стойки кассет. На каждой мигали две строки: регистрационный номер и «субъективная длительность». Вера попросила техника повторить показание вслух и включила автономный диктофон, заранее предупреждая о записи. Кель не возражал — ему самому требовалось доказать, что датчик неисправен, а не что он нарушил инструкцию.

— Разгерметизацию не производим, — сказал он. — Только сверка внешнего счётчика.

— Почему здесь указана субъективная длительность? — спросила Вера.

— Так считает потребительский узел. Меня нанимали крепить контейнеры, не читать договоры.

Под стеклом в одной кассете зажёгся ровный свет. И снова возникла чужая жизнь — не образ на экране, а плотное, почти телесное ощущение. Кто-то сидел в кухне, босыми ступнями касался холодных плиток. Перед глазами, которых у Веры там не было, ребёнок аккуратно ставил на стол тарелку с оладьями. «Папа, я сама», — произнёс тонкий голос. Женская рука потянулась поправить тарелку, но остановилась, уступая маленькой девочке её победу.

Мгновение исчезло. Вера поняла, что плачет, только когда ощутила влажность на подбородке.

— Вы это видели? — спросила она Илью.

— Нет. Я почувствовал запах кофе и услышал ложку о чашку.

— Значит, кассета передаёт не одинаковое изображение каждому, — сказала она, заставляя себя говорить ровно. — Она отдаёт фрагменты переживания через разные сенсорные каналы.

Кель резко поднял голову.

— Здесь такого не должно быть. Вы сообщили о побочном эффекте? Это нарушение изоляции, я обязан остановить рейс.

— Сообщайте, — сказала Вера. — И укажите имена свидетелей.

Он потянулся к пульту. На экране вместо привычного предупреждения возник запрос: «ПОДТВЕРДИТЬ ПЕРЕХОД В РЕЗЕРВНЫЙ КОНТУР?». Внизу мигала кнопка «АВТОМАТИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ». Вера вспомнила пустой вторник и схватила Келя за рукав раньше, чем он успел коснуться экрана.

— Не нажимайте коррекцию. Сначала сохраните исходное состояние.

— У нас сорок секунд!

— Тогда распечатайте исходный журнал. Исправлять будем потом.

Кель колебался одно страшное мгновение. Илья, не касаясь пульта, показал на механический рычаг аварийной фиксации.

— Ваш регламент семь-четыре, — сказал он. — Удержание шлюза. Он не меняет данные и даёт ещё девяносто секунд.

— Этого регламента нет в моём терминале, — выпалил техник.

— Потому что его списали после аварии Южной линии.

Кель потянул рычаг. Пол дрогнул, состав остановился окончательно. Бумажный принтер ожил. По ленте пробежали тысячи символов и три небольших столбца чисел. Вера придержала бумагу, чтобы она не упала на горячую решётку. Среди служебных обозначений она увидела два заголовка: «ИСТОЧНИК» и «ПОЛУЧАТЕЛЬ». Между ними стояло слово, от которого похолодели руки: «ПЕРЕЖИВАНИЕ».

— Это не хранилище дат, — прошептала она. — Это передача проживаемого времени.

Илья не ответил. Его молчание было слишком осмысленным, и Вера запомнила его.

За стеклом одна из кассет сменила маркировку. В левом столбце вспыхнул идентификатор, оканчивавшийся на 0714. Тот же хвост номера был на обрывке ведомости с фамилией Льва, который Вера носила с утра в кармане. Она достала бумагу, сравнила цифры по одной. Совпадение было точным. В строке получателя значился не человек, а закрытый адрес: «УЗЕЛ С—0 / ПРИЁМ ОТЛОЖЕН».

— Лев, — произнесла она почти беззвучно.

— Что? — спросил Кель.

— Номер источника совпадает с номером в записи о моём брате. Я не говорю, что это он. Я говорю, что эти два документа связаны.

В её голосе было столько усилия, что Илья поднял глаза.

— Это важное различие, — сказал он.

Вера ненавидела необходимость радоваться его одобрению. Но впервые за ночь почувствовала, что рядом есть человек, который не просит её перестать проверять факты ради надежды.

В динамике резко прозвучала Эда: «Автоматическая развязка через десять секунд. Выходите. Журнал я приняла по проводной линии. Остальное — на бумаге».

Кель открыл внешнюю дверь. Илья пропустил Веру вперёд. На ступенях она обернулась: за стеклом тринадцатого модуля снова появилась обычная, почти безликая сталь, и все признаки чужой кухни исчезли. Однако тёплый запах оладий остался у неё в памяти так отчётливо, будто кто-то только что вынес тарелку из духовки.

Они успели выйти за защитную линию, прежде чем локомотив дёрнулся. От платформы отступил холодный воздух. Илья прислонился ладонью к стене: его браслет светился слишком ярко. Вера увидела, что отсчёт на нём уменьшился почти на три минуты за время, пока они находились в шлюзе.

— Почему? — спросила она.

— Компенсация за нахождение рядом с контуром. Мой счёт и без того на пределе. На других это так заметно не отражается.

— Вы знали?

— Что расход будет? Да. Но не насколько.

Она хотела отчитать его. Потом вспомнила, как сама шагнула к границе, не спросив разрешения, и вместо этого подала ему бутылку воды из сумки.

— В следующий раз говорите цифры заранее, — сказала она. — Не «опасно», а сколько это может стоить. Я могу принять плохой прогноз. Не люблю только скрытых условий.

Он выпил несколько глотков и вернул бутылку.

— Справедливо.

Эда встретила их у подножия лестницы. Без очков её лицо казалось старше и гораздо уязвимее. Она протянула Вере бумажную копию ленты. Половина строки с получателем была затёрта служебной краской, но номер источника сохранился полностью.

— У меня есть незатёртый экземпляр, — сказала Эда. — Если принесу его сейчас, меня отстранят до утра. Тогда никто не проследит, куда отправят состав. Пока сохраните своё.

— Мы можем подтвердить, что кассеты содержат записанное переживание? — спросила Вера.

— Вы можете подтвердить, что объективно фиксировали передачу сигналов при неисправности изоляции. Всё остальное пока гипотеза. Иначе адвокаты Службы времени разберут вашу работу по слову.

— Я поняла.

Эда повернулась к Илье:

— Ты снова рядом с этим поездом. Я надеялась, больше не увижу тебя здесь.

— Я тоже.

— Тогда не превращай чужую боль в свой последний красивый поступок.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

На улице над депо уже бледнело небо, хотя городские часы показывали только 02:29. Вера сверилась с механическим циферблатом: 02:29. Значит, необычный свет был не рассветом. За зданиями поднимался рассеянный ореол станции синхронизации, погасший почти сразу после отправления состава.

Они остановились возле автомата с горячими напитками. Вера положила рядом две бумаги — старую ведомость и свежую ленту — и сфотографировала их на нейтральном фоне. Вся система могла назвать эти документы фальшивкой. Но прибор, присутствовавшие свидетели, записанный протокол и независимое время давали ей начало цепочки доказательств.

— Нужно выяснить, кто получает этот интервал, — сказала она. — И почему у источника номер Льва.

— По открытому реестру адрес С—0 не найти, — ответил Илья. — Но маршруты поддержки оставляют след в городских медицинских расходах.

— Я не стану открывать чужие медицинские данные.

— И не нужно. Начните с общей сметы, она публикуется по закону. И с того, почему вчера передали двенадцать модулей, а вес станции рассчитан на тринадцать.

Он говорил уверенно, но Вера заметила, что его пальцы дрожат, когда он пытается закрыть крышку бутылки. Она молча забрала её и закрутила сама.

— Вы сможете добраться домой? — спросила она.

— Да.

— Мне нужен честный ответ.

Он посмотрел на неё с усталой усмешкой.

— До дома — да. До конца этой истории — пока не знаю.

Вера не стала уверять, что всё будет хорошо. Она уже слишком много видела ложных обещаний в рекламных объявлениях о времени. Вместо этого написала на отдельном листке адрес круглосуточной клиники у набережной, где принимали людей с низким счётом без предварительной цифровой проверки, и протянула ему.

— На случай, если ваша система поддержки отключится раньше, чем обещают часы. Это не помощь взамен услуги. Просто адрес.

Илья сложил листок и убрал во внутренний карман.

— Спасибо, Вера.

Он впервые произнёс её имя без предупреждения или вопроса. Она не ответила, только посмотрела на колею, где исчез состав. Тринадцатый вагон был уже далеко, но на бумаге у неё осталась запись: кто-то проживал чужой день, и этот день имел номер, связанный с её братом.

До утра ей предстояло составить протокол так, чтобы ни одна фраза не обещала больше, чем подтверждали доказательства. А потом — выяснить, кто и зачем заставил живое человеческое время путешествовать в вагоне, которого не существовало в расписании.

Глава 4. Ошибка в реестре

Вера вернулась домой в четыре десять. Дом на улице Мельников стоял так тихо, словно соседям заранее сообщили о необходимости экономить не только электричество, но и звуки. У входа мигал экран домового терминала: «Баланс подтверждён. Завтра доступно». Она машинально потянулась к браслету, однако тот уже пропустил её через турникет. От подобных мелких разрешений теперь становилось не по себе: в городе, где человека могли исключить из завтрашнего дня, право открыть собственную дверь тоже казалось выданным напрокат.

В квартире горел свет на кухне. Мать сидела за столом в тёмно-синем халате. Перед ней стояли две чашки: одна пустая, другая с давно остывшим чаем. Вера остановилась у порога, стараясь не выдать, насколько удивилась. После операции матери запрещали бодрствовать по ночам, а та обычно превращала предписание врача в домашний закон для всех остальных.

— Ты не отвечала, — сказала мать.

— Телефон был в режиме без оповещений.

— Я звонила девять раз.

— Вижу. Прости.

Лидия Арден, прежде чем продолжить, аккуратно повернула чашку ручкой к себе. С этим движением Вера выросла: так мать приводила в порядок мир, когда не могла привести в порядок людей.

— У ворот стояла машина без номера маршрута, — сказала Лидия. — Два человека спросили, живёт ли здесь архивный инженер Арден. Консьерж никого не пустил. Но они знали номер квартиры.

Вера поставила сумку на стул. Бумажную ленту она спрятала во внутренний карман пальто и не стала при матери проверять, на месте ли та. Консьерж мог сообщить о посетителях управляющей компании. Управляющая компания — Службе времени. Однако предположение всё ещё не было доказательством, и Вера заставила себя не строить заключений из усталости.

— Что они сказали?

— Что нужно уточнить семейный счёт. Как будто это повод приходить в три ночи. Ты опять ищешь Льва в служебных архивах?

— Я ищу его там, где остались записи.

— Я спросила иначе.

Вера вытащила из буфета стакан. Налила воду и выпила стоя, потому что, если сядет, уже не сможет сохранить ровный голос.

— Я не использую служебные полномочия. Не открываю закрытые дела. У меня есть документы, которые можно запросить законно.

— Ты говорила примерно то же самое семь лет назад.

Семь лет. Вера ощущала эту цифру физически, словно под ступнёй проступила трещина, давно заклеенная прозрачной лентой. Тогда их отец, мастер городской синхронизации, погиб на испытательном стенде. Официальный протокол назвал причиной ошибочное вмешательство в последовательность отсчёта. Вера, ещё младший архивный сотрудник, нашла несоответствие между контрольной лентой и итоговым актом и потребовала повторной экспертизы. На следующий день управление лишило семью компенсации на время разбирательства. Отец уже не мог защищать своё имя, мать едва ходила после первой операции, а Лев, которому было двадцать, устроился в ночную службу, чтобы оплачивать лекарства. Через три месяца повторная экспертиза всё-таки признала неисправность оборудования; восстановленной компенсации не хватило даже на накопившийся долг.

— Отец погиб не из-за моего запроса, — сказала Вера.

— Я не это сказала.

— Тогда что?

Лидия подняла взгляд. В ярком свете потолочной лампы сеточка мелких морщин у её рта казалась незнакомой.

— Ты была права, — произнесла она. — Ты действительно была права. Но пока ты доказывала это, Лев перестал спать, а я училась считать таблетки по стоимости одного утра. Я боюсь не твоей ошибки, Вера. Я боюсь того, что ты снова окажешься права слишком поздно.

Этого Вера не ожидала. Она много раз мысленно спорила с материнским упрёком, но никогда не готовилась к признанию, в котором страх звучал сильнее обвинения.

— Я не могу оставить его пропавшим, — сказала она.

— И я не прошу. Только не называй поиски работой, если собираешься одна спасти всех.

На столе между ними стояла вторая чашка, предназначенная Вере. Она обхватила её ладонями, не притронувшись к чаю. Хотела рассказать о вагоне, о кассете, о номере источника. Но даже у самой Веры пока не было ответа, что именно она видела. Делиться зыбкой надеждой с матерью было бы жестоко.

— Сегодня я нашла связь между двумя регистрационными номерами, — сказала она наконец. — Не самого Льва. Только связь. Это больше, чем было вчера.

Лидия медленно кивнула.

— Он в детстве прятал под кроватью сломанные часы, — сказала она. — Помнишь? Думал, что если их починить, мы снова увидим отца утром на кухне.

— Помню.

— Не обещай мне, что починишь время. Просто приведи брата домой, если сможешь.

Вера вымыла обе чашки. Мать ушла в комнату, оставив дверь приоткрытой, как делала только в те ночи, когда боялась остаться одна. Прежде чем сесть к работе, Вера проверила медицинский монитор в коридоре. Показатели Лидии находились в допустимом диапазоне, хотя напротив строки «Контур поддержания» светилась новая пометка: «Перепроверка права доступа: ожидается». Вера записала это в блокнот, не связав автоматически с исчезновением Льва. У матери действительно был плановый пересмотр обеспечения на следующей неделе.

В пять тридцать две она раскрыла рабочий ноутбук без подключения к ведомственной сети и создала папку «Лев / проверяемое». В первый файл внесла только то, что смогла подтвердить: идентификатор источника с окончанием 0714; номер тринадцатого модуля; отметку о передаче переживания; присутствие при осмотре диспетчера и техника. Во второй — вопросы. Почему для физического состава число модулей в публичной ведомости меньше на один? Что означает получатель С—0? Где хранится незатёртая лента Эды? Почему синхронизационный ореол появлялся на небе в 02:29? Вера не добавила ни одной строки «Лев жив» — ей было мучительно важно, чтобы такой строки пока не было.

В семь утра она открыла общедоступный портал гражданских сделок. Портал не показывал чужие личные контракты, но публиковал обезличенные сводки, подлежащие аудиту. Для архивного инженера Вера знала пару способов проверить подписанную сводку без доступа к конфиденциальным данным. Она загрузила вчерашний дневной пакет и запросила контрольную сумму на независимом государственном зеркале. Они совпали. Затем извлекла перечень временных меток транспортных операций и сравнила с опубликованным регистром суточных передач.

В 07:16 на экране появилась строка, отсутствовавшая в ночной выгрузке.

«ОПЕРАЦИЯ: ОТЧУЖДЕНИЕ 24:00:00. ДАТА РЕГИСТРАЦИИ: 16.11.2091. ДАТА ФАКТИЧЕСКОГО ПРИЁМА: 15.11.2091. СТАТУС: ИСПОЛНЕНО. МЕСТО ПЕРЕДАЧИ: ГРУЗОВОЙ КОРИДОР 47. ИСТОЧНИК: ЗАЩИЩЁН».

Вера проверила дату на своих механических часах и на открытой городской хронике: сегодня было пятнадцатое ноября. Продажа суток числилась совершённой завтра. Сначала она предположила сбой отображения пояса или предварительную запись, ошибочно помечен-

ную исполненной. Такое случалось в транспортных реестрах, когда планировщик путал время отправления с временем подписания. Но графа «исполнено» требовала подтверждения обеих сторон и физического приёма биотехнологическим контуром. А фактический приём был указан сегодняшним числом, ровно после ночной отправки состава.

Она сделала снимок экрана, затем скачала публичный пакет вместе с цифровой подписью и зафиксировала контрольную сумму на бумаге. Позвонила в городской центр информации, не называя ни брата, ни маршрута.

— Возможно ли, чтобы операция отчуждения гражданского времени имела будущую дату регистрации при статусе «исполнено»? — спросила она оператора.

— Предварительные заявки получают будущую дату, — ответил тот после небольшой паузы. — Но исполненный контракт не может быть зарегистрирован до подтверждения сторон.

— У меня в сводке именно такой случай.

— Назовите идентификатор, я открою обращение.

Вера посмотрела на цифры. Если она продиктует их, система немедленно свяжет её имя с конкретной строкой. Это могло быть необходимо для полноценной жалобы, но прежде она хотела получить подтверждение из другого источника.

— Пока мне достаточно разъяснения правил, — сказала она. — Где опубликовано определение даты исполнения?

Оператор назвал раздел закона, без раздражения повторил номер статьи и предложил прислать ссылку. Вера поблагодарила его. Через минуту на почту пришёл официальный текст: в нём не было исключения для грузовых коридоров.

Она набрала Илью. На третьем гудке раздался его голос, тише, чем ночью.

— Вы спали? — спросила Вера.

— Недолго. Что случилось?

— В публичном реестре появилась исполненная сделка на двадцать четыре часа. Регистрация датирована шестнадцатым ноября. Сегодня пятнадцатое.

Он молчал так долго, что Вера решила: связь пропала.

— Вы уверены, что поле не обозначает дату расчёта? — наконец спросил он.

— Я проверила словарь полей и статью закона. Это дата регистрации. Фактический приём указан сегодняшним числом. Место — коридор сорок семь.

— Не подавайте исправление.

— Я ещё не собиралась. Мне нужен независимый контрольный пакет. Вы знаете, где его получить?

— Есть городской депозитарий бумажных ведомостей. Отделение на Кольцевой. Выдаёт копии обезличенных суточных итогов. Если цифровую строку дорисовали после отправки, там она либо отсутствует, либо напечатана с другой отметкой времени.

— Вы сейчас где?

— Возле клиники, адрес которой вы дали. Моему браслету не понравилась дорога домой.

Вера откинулась на спинку стула. В памяти всплыли его пальцы на крышке бутылки, слишком яркий счётчик в депо.

— Вас приняли?

— Проверили сердечный ритм и поддержку. Обещали три часа наблюдения, если не попытаюсь уйти.

— Тогда не пытайтесь.

— Вас удивит, насколько убедительно вы умеете отдавать распоряжения.

— Это не распоряжение. Это условие сотрудничества. Я сама проверю депозитарий, а вы пришлёте мне адрес и номер отделения.

Он назвал адрес, затем добавил:

— Если увидите отметку «будущий пакет», не думайте, что кто-то видит будущее. Дату умеет ставить человек. Вопрос в том, зачем он заставил систему объявить завтрашнее уже случившимся.

Вера записала его слова, но не стала спрашивать, почему он знает термин, которого не было в открытом законе. Этот вопрос не исчез. Просто ему ещё не настало время.

В депозитарии пахло пылью, нагретым пластиком и мокрыми зонтами. За стеклом выдачи сидел пожилой служащий в шерстяном жилете. Табличка сообщала: «Архивные сводки. Персональные сведения не предоставляются». Вера заполнила заявку от собственного имени, указала общедоступный номер суточного пакета и оплатила бумажную копию. Служащий внимательно проверил дату.

— За пятнадцатое полная итоговая сводка будет только завтра, — сказал он.

— Мне нужна промежуточная, на семь утра. Она доступна по регламенту.

— Обычно никто не просит промежуточную.

— Сегодня я попросила.

Он изучил заявку и ушёл в соседнее помещение. Вера смотрела на старый принтер, у которого бумага двигалась рывками, а не бесшумной лентой. Её отец всегда доверял устройствам, которые ошибались заметно. «Плохая машина показывает, где сломалась», — говорил он. «Хуже та, что выдаёт красивый итог и прячет неисправность под крышкой».

Через семь минут служащий вернулся с листом, прошитым тонкой красной нитью. На обороте стояли печать депозитария и номер барабана печати. Вера не стала вырывать лист из скрепления: неповреждённая прошивка подтверждала, что копию действительно выдали здесь.

Искомая строка на бумаге присутствовала. В колонке времени регистрации стояло «16.11.2091 / 00:00:01», а рядом — мелкая литерная отметка «ПАКЕТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ПРОВЕДЕНИЯ». В цифровом файле той же отметки не было. Вера почувствовала, как поднимается неприятный холод — не от разгадки, а от ясности нового вопроса. Кто-то не только поместил завтрашнюю регистрацию в сегодняшний отчёт, но и убрал из открытой версии знак условности.

— У этой отметки есть регламент? — спросила она у служащего.

Тот проследил за её пальцем, а потом перевёл взгляд на дверь за её спиной.

— Спрашивайте составителя, — сказал он. — Мы печатаем то, что получили.

— Мне нужен номер документа о происхождении пакета, а не фамилия человека.

— Тогда подайте отдельный запрос. Не здесь, в центральном отделении. И не сегодня.

Он забрал с прилавка копию чека, хотя обычно квитанции оставались на месте до конца смены. Вера не стала настаивать. Она поблагодарила его и вышла под мелкий дневной дождь. За стеклом витрины напротив стояли дорогие часы с настоящими стрелками. На рекламном экране под ними семья в белой гостиной смеялась за завтраком. Подпись обещала: «Подарите близким день, которого они заслуживают». Вера поймала себя на том, что смотрит не на улыбки, а на дату в нижнем углу ролика. Сегодняшнюю.

В переходе к трамваю она позвонила матери. Лидия ответила почти сразу.

— Ты опять не дома, — сказала она.

— Я в городе. Ты принимала утренние лекарства?

— Да, Вера. Я взрослый человек.

— Знаю. Только хотела проверить.

— Ты не спала.

— Немного посплю позже.

Мать тяжело вздохнула. На заднем плане щёлкнул её кухонный таймер — старый, заводной, отцовский. Вера узнала звук, который не слышала уже много лет.

— Я сегодня нашла его в ящике, — сказала Лидия. — Он идёт неровно. Всё равно оставлю.

— Оставь.

— Ты вчера сказала, что нашла связь. Мне не нужны подробности, пока ты сама в них не уверена. Но обещай хотя бы звонить, если не приходишь ночевать.

— Обещаю.

И тут мать произнесла совсем другим голосом:

— Люди, которые приходили ночью, спросили ещё кое-что. Я не сказала сразу, потому что надеялась, ослышалась. Они спросили, не хранится ли у тебя отцовский журнал первичной синхронизации.

Вера остановилась посреди перехода. Люди обходили её, раздражённо звеня браслетами о металлические перила.

— Журнал сохранился?

— Ты его сама опечатала после экспертизы. На антресолях, в зелёной коробке. Я не трогала.

— Никому его не отдавай. И не открывай дверь без консьержа.

— Я не ребёнок, — возмутилась Лидия. — Просто скажи, что этот журнал не имеет отношения ко Льву.

Вера закрыла глаза. Ответ был очевиден лишь в том смысле, что она не имела права его придумывать.

— Я пока не знаю, — сказала она.

После разговора она долго стояла у схемы трамвайных линий. Вера знала: семь лет назад отец работал не на сорок седьмом маршруте, а на Южном контуре. По официальным данным, системы не пересекались. Но записи о продажах времени уже нарушали слишком много правил, чтобы принимать карту ведомственных границ за действительность.

В отделении связи она купила дешёвый бумажный конверт и вложила в него копию реестрового листа. Оригинальную заверенную распечатку убрала в отдельный карман. На конверте написала номер заявки и время получения. Потом, прежде чем уйти, сфотографировала оба листа с механическими часами в кадре. Часы показывали 11:43. В одиннадцать сорок семь на её личный телефон пришло уведомление портала: «Обнаружено несоответствие. Рекомендуется автоматическое исправление даты регистрации». Две кнопки: «Подтвердить» и «Отложить».

Она выбрала «Отложить».

Ещё минуту спустя экран погас и снова ожил. Текст изменился: «По заявке сформирован уточнённый пакет. Дата регистрации 15.11.2091». Теперь цифровая запись согласовывалась с сегодняшним числом. Но бумажный лист, выданный депозитарием менее часа назад, утверждал другое. Вера открыла контрольную сумму нового файла. Она отличалась от утренней.

Впервые за день Вера улыбнулась — коротко, без радости. В системе исправили именно тот след, который она решила сохранить. Значит, перед ней была не случайная ошибочная цифра, а запись, за которой кто-то следил.

Она набрала номер Ильи, но на экране появилось сообщение клиники: «Абонент временно недоступен по медицинскому протоколу». Вера не стала звонить второй раз. Отправила короткий текст: «Бумажная копия подтверждает будущую дату. Цифровую строку уже изменили. У меня две контрольные суммы. Не выходите из клиники ради ответа».

Ответ пришёл не от Ильи. С неизвестного номера поступила одна строка: «Не открывайте зелёную коробку при подключённом терминале».

Вера прочла её дважды. О цвете коробки она говорила только с матерью, и то несколько минут назад, по обычной голосовой связи. Сначала захотелось немедленно побежать домой. Вместо этого она набрала Лидию, дождалась ответа и попросила отнести коробку в комнату без сетевых устройств, не открывая её. Лидия возмутилась, но согласилась.

Под навесом остановки Вера убрала телефон и прислушалась к городу: гул транспорта, шаги, чьё-то торопливое «я успею», сигнал перехода. Завтра здесь будет такое же утро — если

система не решит, что его можно заранее продать. В её сумке лежало два варианта одного и того же документа, и один из них уже пытались стереть из публичной памяти. Семь лет назад она потеряла слишком многое, доказывая правду после катастрофы. Теперь надо было научиться защищать доказательства до того, как катастрофа случится.

Глава 5. Письмо из неслучившегося утра

Вера вернулась домой, когда дождь перестал быть дождём и превратился в мелкую взвесь, похожую на пыль от шлифовального круга. На подъезде горела надпись «ЗАВТРА ДОСТУПНО». После всего, что произошло, ей хотелось закрыть её ладонью, как закрывают ребёнку глаза при виде неприятной сцены. Вместо этого она поднялась по лестнице: в лифте стояла камера с распознаванием лиц, и сегодня Вера не была уверена, кому принадлежали записи.

Лидия встретила её в коридоре. Мать успела переодеться в домашнее платье, а перед входом в бывший отцовский кабинет поставила стул — тяжёлый, деревянный, с треснувшей ножкой.

— Это у нас заграждение? — спросила Вера.

— Это у нас дверь, которая плохо закрывается. Ты велела перенести коробку туда, где ничего не подключено. Я перенесла. А стул поставила, чтобы самой потом не забыть и не войти с телефоном.

На лице Лидии было усталое раздражение, но Вера заметила, что телефон матери действительно лежит на кухне, рядом с неподключённой зарядкой.

— Спасибо.

— Не говори «спасибо» таким голосом, будто я сдала экзамен. Лучше скажи, почему посторонние знают, где мы держим вещи твоего отца.

— Пока не знаю. Возможно, они слышали наш разговор. Возможно, знают гораздо дольше.

— Очень утешительно.

Лидия отошла к стене, пропуская дочь. За ней в комнате виднелся узкий зелёный угол коробки. У Веры свело горло: она сама опечатала эту коробку семь лет назад, поставив на бумажную полоску дату, подпись и маленькую нелепую звёздочку. Тогда ей казалось, что если она будет хранить всё правильно, однажды найдётся человек, который прочтёт их доказательства без предубеждения. Человека не нашлось. Зато коробка пережила три переезда и два ремонта.

— Я её не открывала, — сказала мать, словно прочитала мысли Веры. — И ты сейчас не будешь, пока не поспишь.

— Мне нужно проверить одну вещь.

— Тебе нужно сесть. У тебя руки дрожат.

Вера хотела возразить и обнаружила, что мать права. Она сняла мокрое пальто и присела на банкетку. Лидия молча принесла стакан воды. У них обеих были разные способы заботиться: мать ставила перед человеком воду, Вера проверяла номер его медицинского протокола. Ни один способ не был особенно похож на разговор.

Когда Вера поднесла стакан к губам, на личном телефоне возникло уведомление. Не из городской сети сообщений — от старого почтового шлюза, который поддерживал доставку на бумагу для организаций без постоянного подключения. Такой адрес ей когда-то завёл Лев, чтобы присылать рисунки с дежурств на линии. Последнее письмо оттуда пришло почти два года назад.

Тема сообщения была написана строчными буквами: «не покупай оранжевое».

Вера поставила стакан. На экране открылся текст без подписи и без обратного адреса.

«Верка, ты всё равно выбрала бы синий шарф. А потом сказала бы, что это не потому, что он синий, а потому, что у него нормальные швы.

Если письмо дошло, не отвечай сюда. Я не знаю, в каком порядке у них выходят пакеты. Проверь фразу про лестницу — не картинку. Там, где мы однажды считали удары и соврали

папе, что было двенадцать, ищи не дверь, а нижнюю полку часов. Возьми часы, которые идут сами, и бумагу. Терминал оставь дома.

И ещё: я не продавал своё завтра добровольно. Не заставляй маму выбирать, кому верить. Это моя работа — доказать.

Л.»

Вера дочитала письмо и ещё долго смотрела на последнюю букву. Слова о шарфе мог узнать человек, получивший доступ к последней переписке Льва. Фразу про лестницу — тоже, если у него были старые домашние записи. Но когда они были детьми, за городской часовой башней на лестнице к смотровой площадке они действительно считали удары колокола и нарочно назвали отцу неверное число. Почему-то Вера помнила, что они насчитали одиннадцать, а сказали двенадцать. Лев говорил, что часы нельзя обманывать, пока сам с самым серьёзным видом показывал отцу двенадцать пальцев, привлекая на помощь обе ноги.

— Это от него? — спросила Лидия.

Вера подняла глаза. Она не слышала, как мать подошла.

— Так написано.

— Я не это спросила.

— Я не могу пока знать.

Лидия присела рядом. На этот раз она не коснулась телефона дочери и не попросила показать письмо. Только поставила ладонь на край банкетки, между ними.

— Ты всё время говоришь мне, чего не знаешь. Я понимаю, зачем. Но иногда от этого страшнее.

— Я боюсь дать тебе ложную надежду.

— А я боюсь, что ты останешься с настоящей одна.

Они помолчали. Из кухни дважды щёлкнул отцовский таймер, хотя никто не заводил его с утра. Лидия посмотрела в сторону звука и криво улыбнулась.

— Лев в детстве уверял, что этот таймер ходит во сне.

— Он разбирал его отвёрткой для очков, — сказала Вера. — Потом пытался приклеить обратно стрелку сахарным сиропом.

— И ты взяла вину на себя.

— Он был маленький.

— Ему было четырнадцать.

Вера впервые за сутки коротко рассмеялась. Смех закончился так быстро, что она сама ему не поверила.

— Мне надо отойти на несколько часов, — сказала она. — Но сначала я проверю, откуда письмо пришло. И ты должна позвонить мне, если у дома снова появится машина без номера маршрута.

— Я позвоню консьержу, а потом тебе. Именно в таком порядке. Я умею учиться.

Вера кивнула. Она не стала забирать зелёную коробку. Слишком многие хотели, чтобы та оказалась открыта в нужном им месте и в нужное время. Вместо этого она вынула из ящика механические часы отца — тяжёлые, на цепочке, с царапиной возле цифры восемь. Она завела их и проверила ход по кухонному таймеру, а затем по собственным наручным часам. За десять минут расхождение составило меньше секунды. Для старого механизма это было почти чудом; для доказательства — всего лишь измерением с погрешностью, которую следовало записать.

В блокнот она внесла время получения письма, заголовки пакета, контрольную сумму вложения и собственные действия. Шлюз показывал приём в 14:06 пятнадцатого ноября, но на служебной строке стояло «очередь компенсационной доставки / исходящий блок 16.11 / 06:30». Вера обвела странную дату. Это не означало, что брат отправил письмо из будущего. Очередь могла получить дату заранее, как тот поддельный реестровый пакет. Но одинаковый приём — объявлять завтрашнее уже зарегистрированным — начинал превращаться в систему.

Она набрала номер Ильи. Ответил не он, а регистратор клиники.

— Посетитель Северин находится под наблюдением, — сказала женщина. — Входящие вызовы ограничены до окончания процедуры.

— Передайте, пожалуйста, что это Вера Арден. Мне необходима консультация по техническому вопросу, не требующая его ухода из клиники.

— Передам. Но не обещаю ответ.

— Это разумно, — сказала Вера и только после отключения поняла, что повторила любимое слово Ильи.

⁂

В городском бюро сохранения связи на Площади Перемен стояли три работающих бумажных терминала. Остальные посетители обходили их стороной: выдача физической квитанции занимала семь минут и требовала заполнить фамилию разборчивым почерком. Вера выбрала средний аппарат, подала запрос на внешний транспортный заголовок письма и получила отказ в раскрытии адреса отправителя. Ожидаемый отказ. Адрес отправителя был частным сведением. Зато у каждого пакета имелся идентификатор узла передачи и неизменяемая отметка времени приёма в промежуточной сети. Эти сведения можно было получить как получатель, не прося ничьих секретов.

Служащая за стеклом проверила её документ.

— Стандартный срок выдачи — сутки.

— Мне не нужен полный отчёт. Только квитанция о прохождении через узел и контрольная сумма. Пункт восемь правил компенсационной доставки.

Женщина подняла взгляд.

— Вы из аудиторов?

— Нет. Я получатель.

— Получатели обычно не знают пункт восемь.

— Обычно им не приходится доказывать, что письмо существовало.

Служащая ничего не ответила. Через несколько минут она вернулась с узкой полоской чековой бумаги. На ней значились время приёма, длинная контрольная строка и код узла: КБ-СТ/04. Вера попросила расшифровку. Служащая постучала карандашом по столу.

— Компенсационный буфер. Старая башня, четвёртый канал. Он работает редко. Не уверенна даже, что там кто-то есть.

— Башня с городскими часами?

— Когда-то была городской. Теперь ведомственная. С тех пор как перестали заводить главный колокол.

— Спасибо. Нужна копия с печатью.

— За печать отдельно платят.

— Заплатить проще, чем потом объяснять, почему её нет.

На улице Вера остановилась у карты. Часовая башня находилась на границе старого квартала и железнодорожной санитарной зоны. Когда-то туда водили школьников: им рассказывали, как город сверял часы до внедрения персональных контуров. Теперь на карте башня изображалась серым прямоугольником без подписи, и рядом проходила грузовая ветка, соединявшаяся с сетью депо.

Телефон завибрировал. Илья прислал короткое сообщение: «Процедура закончена. Я могу говорить. Только не предлагайте мне бежать из палаты — у медсестры убедительные аргументы».

Вера позвонила немедленно.

— Пришло письмо, подписанное Львом. Там указана старая часовая башня. Узел доставки подтверждён официальной квитанцией. Мне нужно понять, чем там опасен четвёртый канал.

Илья не ответил сразу. На фоне слышался глухой звук колёс тележки.

— Вы уже туда идёте?

— Пока изучаю карту.

— Это первый разумный ответ, который я от вас слышу сегодня.

— Вы плохо выбираете моменты для комплиментов.

— Башня не опасна сама по себе. Опасно то, что её используют как резервную точку сверки. При синхронизации локальные часы могут уходить на несколько секунд. Обычный человек этого не заметит. Но если вы будете сопоставлять там два устройства, считайте отклонение, а не сходство.

— Вас этому учили в депо?

В трубке снова возникла пауза.

— Я видел последствия плохой синхронизации, — сказал Илья. — Этого достаточно, чтобы советовать осторожность.

Она заметила уклонение. Не стала давить: для этого у неё не было ни времени, ни права, но в блокноте появилась новая строка вопросов.

— Почему Лев пишет «нижняя полка часов»? — спросила она.

— У старых астрономических механизмов есть полки под гирями и запасными шестернями. По отдельности они мало стоят. Иногда там оставляли регистрационные ленты, потому что металл экранировал наводки.

— Вы знаете, как туда попасть?

— Парадный вход закрыт. Вход в обслуживаемую галерею — с набережной. Я могу приехать, когда врач разрешит выйти.

— Не тратьте счёт ради меня.

— Я не собирался. Вы можете проверить публичный периметр, не входя внутрь. А потом мы решим, стоит ли просить официальный допуск.

Вера посмотрела на механические часы. Стрелка, слегка подрагивая, проходила пятнадцатую минуту.

— Я буду ждать снаружи, — сказала она.

— Не обязательно меня. Дождитесь разрешения. Это надёжнее.

Вера убрала телефон. Ей не понравилось, что в этой фразе было больше заботы, чем в большинстве известных ей обещаний. Она ещё меньше любила замечать подобные вещи в человеке, который не объяснял своего прошлого.

⁂

Башня стояла над пустой площадью, словно кто-то оставил посреди города один зуб от огромной сломанной шестерни. Каменная кладка почернела от копоти, две из четырёх циферблатных поверхностей скрывали защитные щиты. На третьей стрелки замерли на без четверти шесть. Четвёртая работала — неравномерно, с едва заметными рывками. Когда Вера подошла ближе, она различила низкий мерный стук гирь.

Публичный вход закрывала цепь с печатью управления городского наследия. Но сбоку, в кирпичной стене, находилось окошко смотрителя. За ним горел свет. Вера постучала, показала бумажную квитанцию и назвала номер старого канала. В окошке появился мужчина лет семидесяти с узким лицом и толстыми очками.

— Я не выдаю почту, — сказал он, не поздоровавшись.

— И не прошу. Мне нужно установить, почему моё письмо прошло через этот узел.

— Потому что сеть не работала, наверное.

— Какой именно участок сети?

— Слушайте, девушка. У меня тут весовой механизм девяностолетний. Он ломается по честным причинам. Ваши новые сети меня не касаются.

— Тогда кто включил канал четвёртого буфера в шесть тридцать завтрашнего утра?

Мужчина снял очки.

— Сегодня пятнадцатое.

— Именно.

Он посмотрел на квитанцию, потом на улицу позади Веры.

— Стойте здесь.

Окошко захлопнулось. Вера отошла от стены, чтобы видеть и дверь, и улицу. Прошло шесть минут. Из-за башни вышли двое служащих в серой форме без ведомственных знаков. Они не направились к ней, но остановились возле щита и сделали вид, что изучают технический чертёж, которого на щите не было. Вера уже собиралась уйти, когда окошко открылось снова.

— Пройдёте через калитку, — сказал смотритель. — Только в общественный зал. Я вызвал дежурного из управления. Без него к механизму нельзя.

— Как вас зовут?

— Гаврил Орс. И если напишете на меня жалобу, укажите, что я ничего не разрешал без сопровождения.

Вера записала имя и время. Смотритель явно заметил её движение.

— Вы всё записываете?

— Только то, что потом трудно восстановить.

— Тогда не пишите, будто часы шли назад. Они так не умеют. Это люди любят говорить, что время вернулось.

В общественном зале стояли пустые скамейки, витрина со старинными билетами и механический макет башни. На стене висела фотография десятилетней давности: маленькая Вера в школьной форме, Лев с нелепо торчащим воротником и их отец у основания главной лестницы. Конечно, фотография была не их семейной: на снимке были другие дети, другой мужчина. Но поза оказалась такой похожей, что Вера остановилась, испугавшись собственной готовности поверить.

Она подняла взгляд к металлической лестнице. На третьем пролёте старая краска отслаивалась возле отметки «12». Над ней кто-то когда-то нацарапал более маленькое «11». Вот почему они с Львом спорили тогда до слёз: в школьной экскурсии колокол ударил одиннадцать раз, а отец спросил, сколько, не поднимая головы от механизма. Лев ответил двенадцать, потому что хотел доказать, будто башня работает неправильно. Вера поддержала его из упрямства. Отец не стал ругать их. Он попросил повторить опыт, и они услышали, как один удар совпал с лязгом закрывающейся двери. Ошибка была не в часах, а в том, что они приняли два звука за один, а затем соврали о результате.

Вера присела на край скамьи. Она вспоминала не только цифры. Отец тогда сказал: «Если хочешь найти ошибку, сперва запиши, что слышал. Не то, что тебе выгодно было услышать». После его смерти эти слова стали для неё не утешением, а работой.

В конце зала открылась служебная дверь. Вошла женщина в коричневой куртке и с планшетом без сетевого индикатора.

— Ольга Раут, инспектор сохранности, — представилась она. — Орс сказал, вы интересуетесь письмом. Покажите основание для доступа к архиву.

Вера предъявила квитанцию получателя, не отдавая оригинал из рук. Ольга прочла код узла, потом попросила показать собственные механические часы.

— Зачем?

— Если вы хотите наблюдать за проверкой, нужен прибор, который не подстраивает показания автоматически. Городские браслеты внутри башни не годятся.

— Их можно просто отключить.

— Отключённый браслет остаётся браслетом. Мы не принимаем его показания как независимые.

Вера показала отцовские часы. Ольга кивнула и занесла серийный номер в бумажный журнал.

— Доступ в техническую галерею будет только со мной и смотрителем. И не больше десяти минут. Никаких фотографий открытых коммуникаций.

— Мне нужна нижняя полка. Под часовым механизмом.

— Кто вам о ней рассказал?

— Отправитель письма. Пока я не могу доказать, кто он.

Ольга изучила её лицо, но спрашивать не стала.

⁂

Внутри башни было холоднее, чем снаружи. Каменный воздух хранил запах пыли, железа и старой деревянной смазки. Лестница уходила вверх между вертикальными цепями, каждая из которых уходила в темноту, словно трос лифта без кабины. Гаврил шёл впереди, подсвечивая ступени. Ольга замыкала процессию. Вера держалась за перила и слушала удары, отделяя каждый от дребезжания решётки.

— Шестой год обслуживаю здесь буфер, — сказал Гаврил. — Но такой код вижу впервые. Раньше документы шли через городской узел. Теперь — через промышленный. Это не моя идея.

— Кто изменил схему?

— Пришёл приказ с печатью. На бумаге. Его можно запросить, если терпения хватит. Я его не прятал.

Ольга посветила на служебный щит. Там висели четыре карточки обслуживания, каждая с датой. Последняя карточка была выписана на шестнадцатое ноября, шесть тридцать утра. В графе «выполнено» стояла галочка, но подписи механика не было. Вера попросила разрешения переписать номер карточки. Ольга дала согласие и сама продиктовала номер, чтобы не задерживать проход.

— Это что, работа будущего дня? — спросила Вера.

— Это предварительный регламент, — ответила Ольга. — Галочка означает, что пакет подготовлен к проведению. Не работу, которая уже сделана. Здесь так заполняют годами.

— В публичной доставке он выглядит как выполненный.

— Тогда проблема не в наших часах.

Узкая металлическая площадка вывела их к механизму. Громадное колесо поворачивалось на один зуб; вслед за ним медленно поднимался рычаг, и в стене отзывался тяжёлый удар. Под колесом стоял закрытый железный шкаф с двумя горизонтальными полками. На верхней лежали инструменты, на нижней — три узких футляра для бумажных лент, один пустой. На дверце шкафа не было пломбы; зато под нижней полкой виднелась небольшая щель, как будто панель когда-то снимали и вернули на место не до конца.

Вера не потянулась к ней. Она показала щель Ольге.

— Можно осмотреть без нарушения креплений?

Инспектор опустилась на корточки, осветила панель и позвала Гаврила. Тот вытащил из кармана короткий деревянный клинышек. Панель чуть отошла, открыв узкий отсек. Внутри лежала бумажная лента, свёрнутая без катушки, и латунная пластинка с номером. Ни один из них не был похож на послание. Но в одном из сгибов ленты торчал кусок синей нитки — такой, какой Лев использовал, чтобы связывать провода в домашних макетах, когда рядом не было хомутов.

— Ничего не трогайте пока, — сказала Ольга. — Надо записать находку.

Она назвала время по своим механическим часам. Вера назвала своё. Разница составляла девять секунд. В тот же момент на лестнице ниже звякнула дверь, и Гаврил повернул голову.

— Я запер калитку, — сказал он.

— Я тоже слышала, — ответила Ольга. — Останемся здесь до проверки.

Вера смотрела на ленту. Если это действительно оставил Лев, почему ему понадобилось использовать музейную нишу? Почему он не отправил сами данные? Почему в письме просил прийти с часами, а не просто забрать свёрток? Слишком много вопросов и слишком мало подтверждений.

Ольга положила ленту на чистую подложку, не разворачивая её полностью. На внешнем витке были два столбца чисел: время местной механической шкалы и отметки промышленного буфера. Несколько строк совпадали. В одной местное 05:59:51 соответствовало системному 06:30:00 следующего дня. Расхождение не могло быть ходом обычных часов. Внизу была приписка карандашом: «НЕ ПУТАТЬ ОЧЕРЕДЬ С СОБЫТИЕМ».

Под припиской — нарисованная очень простая лестница с одиннадцатью ступенями, а рядом — двенадцатая, перечёркнутая. Вера ощутила болезненное тепло под рёбрами. Их детский спор не был кодовым словом, которое можно перехватить из базы данных. Он был ошибкой, о которой когда-то договорились молчать перед отцом. Но кто-то мог услышать её от Льва. Даже теперь ей хотелось оставить место для этого сомнения.

— Это не официальная форма, — сказала Ольга. — И явно не из нашего принтера.

— Я знаю, — ответила Вера. — Можно ли снять копию при вас и оставить оригинал на хранение?

— Если вы заявляете о возможном преступлении, я обязана зарегистрировать находку. Дальше материалы могут забрать. Вы уверены?

Вера медленно выдохнула. Семь лет назад она бы спрятала бумагу, надеясь сначала выяснить всё сама. Теперь уже существовали два следа — официальный код доставки и карточка обслуживания. Спрятать третий значило бы превратить его в собственную тайну.

— Регистрируйте. Но укажите, что нашли отсек вы, без моего прикосновения. И дайте мне номер записи прежде, чем кто-то получит ленту.

Ольга кивнула. В её лице впервые мелькнуло уважение.

Гаврил стоял у лестницы и вслушивался. Потом произнёс:

— Кто-то прошёл через нижний зал. Дверь закрыли изнутри. Я её так не оставлял.

Инспектор убрала ленту в прозрачный конверт, прикрепила бумажную бирку и подписала журнал. Вера сфотографировала разрешённую им копию цифр, но не сам механизм. Пока она записывала разницу девяти секунд, снаружи послышались короткие шаги и два удара по железной двери. Не просьба открыть. Проверка, есть ли кто внутри.

— Есть другой выход? — спросила Вера.

— Служебная лестница к набережной, — ответил Гаврил. — Но она закрыта на механический ключ.

— Где ключ?

Смотритель приподнял связку у пояса.

Ольга вытащила из кармана удостоверение, словно оно могло защитить их от неизвестного за дверью.

— Сначала сообщим дежурному. Потом спустимся, — сказала она. — Никакой самодеятельности.

Вера почувствовала почти благодарность за это простое распоряжение. Человек, который действовал по процедуре, иногда был полезнее человека с красивой тайной.

⁂

На служебной лестнице пахло мокрым камнем. Гаврил шёл впереди и считал ступени шёпотом. Ольга разговаривала с дежурным по проводному телефону; связь дважды обрывалась и каждый раз восстанавливалась на полуслове. Вера несла собственную квитанцию и записанный номер находки, а лента осталась в опечатанном конверте у инспектора.

Внизу дверь открылась на пустой проход между башней и набережной. Там, за металлической оградой, стоял Илья. Он не махал ей и не делал вид, что оказался здесь случайно. Про-

сто держал в руке бумажный талон из клиники, а на другом запястье — медицинскую ленту с отметкой о завершении процедуры.

— Вас отпустили? — спросила Вера.

— Врач решил, что я способен самостоятельно выполнять распоряжения, если их достаточно часто повторять.

— Вы должны были сообщить, что приедете.

— Я пытался. У башни связь сбивается. А когда увидел служебную машину на площади, решил дождаться у открытого выхода.

Он говорил спокойно, но Вера заметила, как осторожно он держит правую руку и как быстро отводит взгляд от своего браслета. Она не стала спрашивать о счёте при посторонних.

Ольга проверила документы Ильи и коротко объяснила, что проход к башне ограничен на время регистрации технической находки. Илья не попытался спорить. Он назвал номер открытого городского протокола, по которому свидетели могли оставить письменные показания. Вера уловила, что он знает этот порядок слишком хорошо, но и это пока не было признанием.

Когда инспектор и смотритель ушли внутрь оформлять акт, Вера осталась с Ильёй под навесом, откуда была видна остановившаяся стрелка одного из циферблатов. Она рассказала ему о письме, о детской ошибке на лестнице и о бумажной ленте. Не сказала только, что на миг почти поверила в простое возвращение брата домой. Эта мысль показалась слишком хрупкой для чужого слуха.

Илья выслушал, не перебивая.

— Если вы спросите, верю ли я письму, — сказал он, — отвечу: верю, что кто-то хотел, чтобы вы пришли именно сюда. Это меньше, чем вы хотите услышать.

— Зато честно.

— У ленты есть исходящий код?

— Есть два столбца и расхождение между местным временем и буфером. Оригинал зарегистрирован официально. Ещё бумажная карточка завтрашней работы, уже отмеченная как подготовленная.

— Значит, механизм предварительного проведения существует не только в реестре. Это полезно.

— Ужасающе полезно, — сказала Вера. — Но мне нужен не механизм. Мне нужен брат.

Илья посмотрел на её сжатые пальцы. Вместо того чтобы прикоснуться к ней, он достал из внутреннего кармана чистый лист и протянул его как деловой документ.

— Запишите всё, что в письме мог знать посторонний. Отдельно — то, что точно помните вы. А потом найдём независимое подтверждение третьей детали, которую не слышали ни я, ни ваша мать. Если письмо настоящее, оно выдержит проверку. Если нет, мы не дадим чужому человеку использовать вашу надежду.

— Вы говорите так, будто от надежды бывает вред.

— Бывает. Если за неё требуют закрыть глаза.

Она взяла лист. Бумага была тёплой от его ладони. Вера почему-то отметила эту ничтожную подробность так же ясно, как девятисекундное расхождение часов.

— Я думала, вы будете убеждать меня бросить всё и вернуться домой.

— Вы всё равно бы не послушались.

— Верно.

— Тогда разумнее сделать так, чтобы вы вернулись домой с доказательствами.

На площади завёлся грузовой автомобиль. Серые служащие, которых Вера видела раньше, стояли у его открытой двери. Один разговаривал по телефону, другой наблюдал за входом в башню. Когда он заметил Веру и Илью, разговор прекратился. Машина уехала без груза.

— Они следили за нами? — спросила Вера.

— Я не знаю, — ответил Илья. — Но номер машины стоит записать.

Она уже записывала. Илья заметил это и впервые за весь день улыбнулся — не так, словно ему стало легко, а так, словно рядом оказался человек, которому не нужно объяснять самые важные вещи.

⁂

Под вечер Ольга прислала официальное подтверждение регистрации находки. Лента получила номер ХБ-15/441, а обе копии — номера вложений. Вера проверила печать по публичному журналу. В сообщении была одна странная деталь: лицо, указанное в заявке на предварительное обслуживание, числилось уволенным три года назад. Это ещё не доказывало подделки — старые учётные карточки могли повторно использовать, — но требовало объяснения. Она внесла деталь в раздел «непроверенное».

Вера и Илья сидели в маленькой столовой напротив трамвайного кольца. Он заказал суп и ел медленно, словно выполнял неотложное медицинское предписание. Она выпила чай и вынула из кармана часы отца.

— Гаврил сказал, что часы не идут назад, — произнесла она. — И он прав. Там не было будущего. Была будущая запись, которая притворялась состоявшейся.

— Это разные вещи, — согласился Илья.

— Тот, кто создал запись, знал, что её увидят заранее. Зачем?

— Чтобы кто-то начал действовать до фактической отправки. Или чтобы ответственность за отправку уже числилась исполненной. В системах с большим количеством ведомств время иногда превращают в удобную ширму.

— Вы опять говорите как человек, которому приходилось проверять чужие отчёты.

Он положил ложку. На мгновение Вера решила, что теперь он наконец ответит на невысказанный вопрос о прошлом. Но Илья только сказал:

— Мне приходилось видеть, что бывает, когда отчёт подписывают не читая.

— Я не прошу биографию целиком, — тихо ответила она. — Только предупреждаю: если ваши старые связи станут частью нашего дела, я должна узнать об этом от вас, а не от следователя.

Илья выдержал её взгляд.

— Это справедливое условие.

Он не обещал, что расскажет всё сегодня. Вера не стала принимать его согласие за обещание. У них хватало работы даже без попыток выяснить, какие слова каждый из них предпочёл не сказать.

К восьми вечера она вернулась домой. Лидия смотрела передачу о реставрации старых зданий и притворялась, что не ждала у двери. Зелёная коробка оставалась на месте, стул — тоже. Вера рассказала матери только то, что могла подтвердить: письмо действительно прошло через старый узел башни; в механизме нашли бумажную ленту; её зарегистрировали. Она не сказала: «Лев жив». Лидия слушала, сложив руки на коленях.

— А он мог сам оставить письмо? — спросила мать.

— Мог. И кто-то мог передать его от его имени. Я проверю.

— Тогда проверь, — сказала Лидия. — Только ешь сегодня нормально.

Перед сном Вера разложила на столе четыре листа: утреннюю реестровую копию, исправленную цифровую версию, квитанцию доставки и акт находки в башне. Сопоставила коды. Четвёртый канал буфера, показанный в письме, совпал с маркировкой на бумажной ленте; обозначение «предварительное проведение» связывало его с завтрашней датой реестра. Теперь у неё был не ответ, а проверяемый маршрут между документами.

Она открыла отдельную страницу блокнота и написала: «Лев: подлинность не установлена. Башня: связь подтверждена. Следующий шаг: установить, кто имел доступ к буферу и кто

подписал предварительное проведение». Под этими словами оставалось место. Вера не заполнила его предположением о том, где находится брат.

В окне зазвонил трамвай. Отцовские часы на столе отстали на секунду, и она завела их ещё на пол-оборота. Когда-то ей казалось, что ради Льва нужно бежать быстрее любого расписания. Сегодня она поняла другое: если неизвестный устроил для неё дорогу из заранее расставленных знаков, нельзя позволить ему выбирать ещё и скорость её шагов.

Она выключила свет, оставив бумаги под чистым листом. Утро, которое ещё не наступило, больше не казалось пустым обещанием. У него появились номер, свидетель и след, ведущий к башне. Но прежде чем назвать его настоящим, Вера собиралась дождаться, когда оно действительно наступит.

Глава 6. Долг за тишину

Утром шестнадцатого ноября Вера обнаружила, что на городской карте исчез один адрес.

Не здание — серый прямоугольник депо на Окольной линии по-прежнему стоял между двумя путепроводами. Исчезла его карточка: назначение, часы приёма, номер ведомства. Словно кто-то решил, что помещение, в котором много лет работали люди, никогда не требовало ни начальника, ни разрешения на вход.

Она сравнила текущую карту с бумажным транспортным справочником четырёхлетней давности. В старом издании под номером Д-12 значился «участок технического обслуживания и учёта грузовых контуров». Ответственный — М. Вельт. Три номера телефона были зачёркнуты карандашом предыдущим владельцем. Четвёртый, рукописный, начинался с кода медучреждения.

Вера положила справочник рядом с зарегистрированным актом о ленте из башни. Несколько раз проверила, не превращает ли совпадение в закономерность только потому, что очень хочет найти след. Четвёртый канал буфера был нанесён на ленту; в депо Д-12 когда-то принимали временные модули; фамилия руководителя совпадала с именем в старой ведомости, которую Эда показала ей ночью. Связь была достаточной, чтобы задать вопрос, но не чтобы дать ответ.

Она набрала номер из справочника. После шести гудков женский голос сказал:

— Центр восстановительной поддержки «Берег». Если вам нужна срочная помощь, назовите номер гражданского счёта.

— Мне нужна Мара Вельт.

На другом конце линии стало тихо.

— Здесь нет такого сотрудника.

— Я не сказала, что она у вас работает.

Связь оборвалась.

Вера записала время звонка и не стала перезванивать. Вместо этого отправила Илье фотографию страницы справочника без медицинского номера. В ответ пришло короткое сообщение: «Не идите туда одна. Встретимся у архивного входа в десять».

Её раздражало, что он сразу написал приказом. Ещё больше раздражало то, что он, вероятно, был прав.

⁂

Илья ждал не у парадной двери архива, а возле боковой лестницы, где с утра торговали дешёвыми завтраками. На скамейке перед ним стояли два бумажных стаканчика с чаем и пакет с булочками.

— Вы проверяли, что я ем? — спросила Вера вместо приветствия.

— Я помню, что вчера вы так и не доели обед.

— Это не отвечает на вопрос.

— Тогда нет. Проверять чужой завтрак было бы слишком дорого даже для бывшего бюрократа.

Слово «бывшего» зацепилось за мысль, которую Вера откладывала со вчерашнего вечера.

Она взяла чай, но не села.

— В ведомости Эды рядом с именем Вельт есть отметка «переведена в медицинский контур». Сама она не медицинский специалист. Почему деповского диспетчера переводят туда?

Илья посмотрел на справочник.

— Мара управляла распределением оболочек для активных кассет. Когда один состав пришёл без половины пломб, она отказалась подписать приёмку. Через месяц её должность упразднили.

— Это известный вам факт или слух?

— Я видел её объяснительную.

— Где?

Он помедлил, и Вера заметила эту паузу. Не как неловкость, а как исправление маршрута: человек уже знает, что мог бы сказать, и выбирает другую дорогу.

— В копии внутренней проверки, — ответил Илья.

— Как вы получили внутреннюю проверку?

— Раньше у меня был доступ к таким документам.

— Раньше когда?

Илья аккуратно завернул оставшуюся булочку в бумагу.

— Вера, нам надо поговорить об этом. Но не здесь.

— Мы говорили вчера. Я ясно сказала: ваши прежние связи не должны появляться за моей спиной.

— Помню.

— Тогда начните с названия учреждения.

Мимо прошла женщина с тележкой посылок. Илья дождался, пока стук колёс скроется за поворотом.

— Служба времени.

Вера не отступила, но чай в её руке качнулся.

— Вы работали в Службе времени?

— Да.

— Чем?

— Проверял контракты и расхождения в ведомостях.

Вера удержала взгляд на нём. В памяти всплыло, как уверенно он считывал коды тринадцатого вагона, как точно различал официальный и фактический остаток суток. Всё это вдруг получило объяснение. Но объяснение пришло слишком поздно.

— То есть вы были аудитором, — сказала она.

Он кивнул.

— Почему вчера вы этого не сказали?

— Потому что знал, какое значение это для вас будет иметь.

— Это причина сказать. Не скрыть.

Илья не стал спорить. Согласие не исправляло прошлый день, и Вера не позволила себе облегчения от того, что он хотя бы не лгал сейчас.

— Что именно вы проверяли в деле Мары?

— Не её дело. Запись об аварийной отправке кассет. Мара внесла возражение, которое кто-то заменил пустым листом. Я сохранил копию.

— У вас она есть?

— Не при мне. И прежде чем вы спросите: копия неполная. Она доказывает подмену страницы, но не показывает, кто её санкционировал.

Вера впервые села.

— Вы рассчитывали, что я буду доверять вам, не зная этого?

— Нет, — ответил он. — Я рассчитывал, что вы сможете работать с доказательствами даже тогда, когда перестанете доверять мне.

Неприятнее ответа было то, что он не пытался её переубедить.

— Сегодня мы идём к Маре не как друзья, — сказала Вера. — Я задаю вопросы. Вы не отвечаете вместо неё. Если выяснится, что вы уже разговаривали с ней обо мне, на этом наше сотрудничество закончится.

— Я ей не звонил.

— Хорошо. Это я проверю у неё.

Илья придвинул к ней вторую булочку. Вера хотела отказаться назло, но голод оказался совершенно равнодушен к её принципам.

⁂

Центр «Берег» находился под эстакадой, среди автомастерских и временных жилых модулей. У входа не было ни рекламы, ни государственного герба. На двери висел лист: «Врач не выдаёт справки о смерти по показанию гражданского счётчика».

Вера остановилась перед надписью.

— Кто сюда приходит?

— Люди, которых официальная система перестала считать своими пациентами, — сказал Илья. — Но это не означает, что медицинская помощь здесь нелегальна. Учреждение зарегистрировано как благотворительная клиника.

В коридоре пахло чистящим средством и сваренным рисом. Подросток в зелёной кофте раскладывал по ящикам лекарственные браслеты, проверяя каждый номер дважды. За стеной кто-то смеялся над старой комедией. На скамейке у окна сидела девочка лет четырнадцати с коротко остриженными волосами и читала книгу, придерживая страницы левой ладонью. Её правая рука лежала на коленях в мягком ортезе.

Рядом стоял аппарат поддержки с небольшим дисплеем. На нём светилась надпись «СИНХРОНИЗАЦИЯ: РУЧНОЙ РЕЖИМ».

Девочка подняла глаза:

— Вы к кому?

— К Маре Вельт, — ответила Вера.

— Она не любит, когда приходят без записи.

— Мы уже поняли, — тихо сказал Илья.

Девочка внимательно посмотрела на него.

— А вас я помню.

Илья остановился.

— Здравствуй, Ася.

— Мама говорит, что вы слишком долго извиняетесь за вещи, которые не можете отменить.

Вера перевела взгляд с девочки на Илью. Он не пытался объясниться.

— Твоя мама иногда права, — сказал он.

Из боковой двери вышла женщина с тёмными волосами, собранными в тугой узел. На ней был рабочий комбинезон поверх серой футболки. Она не походила на человека, который ждёт посетителей: одно предплечье было испачкано графитом, а под ногтем большого пальца темнела машинная смазка.

— Ася, тебе нужно закончить упражнения, — произнесла она. — Господа, ко мне.

Девочка скривилась.

— Я уже сделала двадцать.

— Врач сказал двадцать пять.

— Врач не пробовал делать их моей рукой.

— Тогда скажи ему это на приёме. Не мне.

Мара дождалась, пока дочь нехотя вернётся к книге, и повела гостей в маленькую комнату за процедурной. Там стояли металлический стол, три стула и шкаф с бумажными папками. На стене висела большая фотография первого поезда Окольной линии; на ней молодая Мара улыбалась в объектив, держа за руку совсем маленькую Асю.

— Вы, наверное, пришли за историей про несчастного ребёнка, — сказала Мара, закрыв дверь. — Мне давно предлагают продать её журналистам. Назовите цену сразу.

— Мне нужен не рассказ для публикации, — ответила Вера. — Я ищу брата. Он работал с ночными составами. Его регистрационный номер появился в ведомости кассеты.

Мара посмотрела на Илью.

— Вы привели её сюда?

— Нет. Она нашла адрес сама.

— Полагаю, это то, что вас больше всего пугает.

— Больше всего меня пугает, когда люди перестают различать риск для себя и риск для других.

Мара коротко рассмеялась.

— Слышите, Вера Арден? Он всё ещё читает нам лекции.

Вера не спросила, откуда собеседница знает её фамилию. В данном случае ответ мог быть простым: они ожидали её после звонка.

— Я хочу установить, кто подписал предварительную отгрузку Д-12, — сказала она. — Акт за прошлую ночь зарегистрирован. У меня есть копии, но не доступ к закрытому реестру.

— И вы думаете, я его вам открою?

— Нет. Думаю, вы скажете, почему попытались скрыть своё имя с карты.

Мара опёрлась ладонями о стол.

— Карточку депо удалили три года назад. Я не скрывала адрес. Служба закрыла объект после проверки и перенесла остатки работы в медицинский сектор. Если кто-то снова пользуется его обозначением, это вопрос к тем, кто распоряжается моим прошлым.

— Можете показать дату закрытия?

— Вы правда архивист.

— Инженер. Но да, могу быть неприятной.

Мара открыла ящик, достала папку и положила на стол справку с сухой печатью. Вера прочла её, переписала номер и только после этого отложила.

— Зачем вы сохранили оригинал?

— Потому что цифровая копия однажды сообщила мне, что моей дочери никогда не проводили процедуру.

На несколько секунд в комнате слышен был только гул вентилятора.

⁂

— Асе было двенадцать, — сказала Мара, когда Вера попросила разрешения записать её слова. — После инфекции ей требовалась коррекция сердечного ритма. В городской больнице обещали сутки донорского резерва: не годы, даже не месяцы. Мы подписали согласие на временное подключение, и я проверила каждую строку. Так я думала.

Она провела пальцем по краю фотографии.

— Через неделю Ася перестала удерживать в памяти короткие последовательности. Потом обнаружилось, что мышцы реагируют медленнее, чем должны. Биологический возраст некоторых тканей изменился, но врачи называли это обычным осложнением.

— Вы говорите, что у неё изъяли два года? — уточнила Вера.

— Не по календарю. Она не пропустила два дня рождения и не проснулась взрослой. У неё сняли объём физиологического резерва, который специалисты приблизительно оценили в два года. Это не число, которое можно просто положить обратно. Сосуды, нервы, восстановление — всё стало работать иначе. В официальном акте стоит «непредвиденное течение основного заболевания».

— Кто установил объём изъятия?

— Два независимых врача по старым обследованиям и показателям после подключения. Их заключения хранятся здесь. Я не показываю их без Асиного согласия.

— И правильно, — сказала Вера.

Мара подняла на неё глаза, словно не ожидала ответа.

— А человек напротив вас был тогда аудитором. Его ведомство подтвердило, что процедура соответствовала нормам.

Илья опустил взгляд на собственные руки.

— Не моё заключение, — сказал он. — Я подал возражение после того, как увидел несовпадение подписей.

— И кому помогло ваше возражение?

— Никому вовремя.

Мара оттолкнула стул.

— Вот за это я его и не прощаю. Не за преступление, которого он не совершал. За то, что у него была возможность говорить раньше, чем это случилось с Асей, а он слишком долго проверял бумажки.

— Это справедливо, — произнёс Илья.

— Не нужно соглашаться со мной как с протоколом.

— Я не согласен с тем, что одной моей подписи хватило бы остановить систему. Но вы правы, что я поздно понял масштаб происходящего.

Вера почувствовала, как меняется угол её собственного вопроса. До сих пор ей казалось, что надо выяснить, был ли Илья на стороне тех, кто принимал решения. Мара рассказала о другом: о человеке, который мог сомневаться и всё же не успеть защитить тех, кого проверял.

— Какие доказательства у вас есть сейчас? — спросила Вера у Мары.

Та открыла шкаф и вынула тонкий конверт без маркировки.

— Здесь копия моего отказа подписывать разгрузку. С моим именем и временем. Не отдам её вам в руки. Сначала скажите, для чего собираете документы.

— Чтобы найти Льва и доказать двойной учёт, если он существует.

— Мой ответ вам не понравится. Двойной учёт существует. Но документы не спасают тех, кого каждый день отключают от поддержки.

— С их помощью можно остановить отключения законно.

— «Можно». Я три года слышу это слово.

Мара наклонилась ближе.

— У нас есть люди, готовые открыть основной резерв и вернуть то, что украли. Одним действием. Пока город спит.

Илья встал так резко, что стул заскрипел по полу.

— Активные контуры нельзя открывать одним действием. Перекрёстная синхронизация с пациентами сорвётся. Погибнут люди, которым резерв уже назначили, в том числе такие, как Ася.

— Вы не знаете, что мы подготовили.

— Тогда покажите расчёты независимому врачу.

— А потом ещё комиссии, комиссии, комиссии? — Мара снова обратилась к Вере. — Вот почему нам нужен кто-то, кто умеет читать схему и не служит им.

Вера выдержала её взгляд.

— Если вы просите помочь вскрыть резерв без подтверждённого безопасного плана, ответ — нет. Если просите проверить документы, я готова. Это разные просьбы.

Мара молчала дольше, чем прежде. Наконец опустила конверт на стол, но не выпустила из пальцев.

— Вы действительно его сестра.

— В чём это выражается?

— Лев тоже сначала требовал проверять все цифры. А потом увидел людей.

Сердце Веры болезненно ударило в грудь.

— Вы встречали моего брата?

— Один раз. Он пришёл сюда не за сочувствием. Принёс два списка. В одном были проданные сутки, в другом — назначенные. Числа не сходились. Я предложила ему сделать записи публичными. Он сказал, что одной таблицы мало: нужны физические метки.

— Когда он приходил?

Мара назвала дату — одиннадцатое ноября — и время после обеда. Вера записала оба, не пытаясь скрыть дрожь пальцев.

— Вы знаете, где он сейчас?

— Нет. И если бы знала, не сказала бы, пока не убедилась, что ему безопасно выйти.

— Он сам просил вас молчать?

— Он просил не передавать неподтверждённые сведения. Это не одно и то же.

Вера почувствовала злость, потому что именно такую осторожную фразу мог произнести Лев. Она ненавидела, когда правдоподобие делало надежду ещё мучительнее.

⁂

В коридоре Ася пыталась застегнуть ремень ортеза и не могла попасть тонкой пряжкой в отверстие. Мара задержалась у двери процедурной, отвечая на вызов врача. Вера подошла к скамейке.

— Помочь?

— Если не будете делать вид, что я маленькая.

— Не буду.

Ася протянула ремень. Вера придержала мягкую накладку и дождалась, пока девочка сама заведёт пряжку.

— Вы сестра того монтажника? — спросила Ася.

— Да. Ты его видела?

— Он сидел здесь, на этом месте. Всё время смотрел на часы, как будто часы ему должны денег. А когда я сказала, что это глупо, он ответил: «Зато проценты накапливаются точно».

Вера невольно рассмеялась. Лев действительно любил шутки, построенные на нелепой бухгалтерии.

— Он рассказывал, что собирается делать?

— Только спросил, можно ли починить сломанный механизм, если сперва выключить всю больницу. Я сказала, что это идиотский вопрос. Он сказал: «Правильный ответ».

Ася посмотрела в сторону комнаты матери.

— Они всё время спорят о том, что делать со временем. Но меня никто не спрашивает, согласна ли я ещё раз лечь под аппарат. Я уже устала быть причиной чужих решений.

Вера опустилась на край скамьи.

— Это можно сказать им прямо.

— Я говорю. Они слышат только когда я кричу.

— Тогда я могу записать твои слова. Не для статьи. Для разговора, если ты сама захочешь.

— А вы всегда записываете всё?

— Нет. Только то, что боюсь исказить.

Ася подумала и кивнула.

— Запишите: «Я хочу дожить до восемнадцати, но не хочу, чтобы ради этого у кого-нибудь отобрали его восемнадцать». И ещё: «Со мной надо разговаривать до процедуры, а не после».

Вера записала дословно и показала экран. Ася исправила одно слово: вместо «надо» попросила поставить «обязаны».

Когда Илья вышел из комнаты, он увидел, как они вдвоём проверяют текст.

— Она вас заставила работать? — спросил он.

— Она дала показание, — ответила Вера.

Ася покосилась на него.

— А вы не пытайтесь за меня извиняться. Лучше объясните маме, что я не согласна на ваши опасные планы — ни на её, ни на ваши.

Он серьёзно кивнул.

— Объясню, если она захочет слушать. Но лучше, чтобы она услышала от тебя. Я могу быть рядом.

Вера заметила: он не произнёс ни одного обещания, которое не мог выполнить.

⁂

Перед уходом Мара вернула Вере бумажную копию справки о закрытии депо и разрешила сфотографировать только шапку своего отказа. Полный текст остался у неё; так требовали правила защиты свидетелей, которые она сама установила после того, как одна из женщин центра лишилась пособия из-за утечки.

— Если хотите проверить цифры, приходите завтра без форменной машины и без служебного доступа, — сказала Мара. — Я дам вам сверить две ведомости на месте. Никаких копий до согласования с людьми, чьи имена там стоят.

— Согласна, — ответила Вера. — А вы не будете использовать наши действия как прикрытие для аварийного вскрытия резерва.

— Я этого не обещаю.

— Тогда сотрудничество ограничивается документами.

Мара чуть наклонила голову, признавая границу, но не принимая её как последнюю.

На улице начал накрапывать дождь. Поток машин под эстакадой тащился медленно; в лужах отражались красные полосы предупреждающих огней. Илья не раскрыл зонта, хотя держал его в руке.

— Вы знали Асю до нашей встречи, — сказала Вера.

— Да.

— И Мару. И то, что она может действовать против медицинского контура.

— Да.

— Каждый раз, когда я узнаю что-то важное о вас от другого человека, цена вашей помощи растёт.

Илья остановился.

— Что вы хотите, чтобы я сделал сейчас?

— Не просите меня решать, можно ли вас простить. Я пока пытаюсь решить, можно ли продолжать с вами работу.

— Тогда решайте это.

Он передал ей маленькую карточку. На обороте были четыре строки: номер его старого дела, дата увольнения из Службы времени и код публичного решения комиссии, закрепившей за ним ответственность за Южную аварию. Последняя строка содержала адрес архивного зала, где решение можно было получить по запросу.

— Здесь всё, что я обязан был сказать раньше, — произнёс он. — Не всё, что вам ещё нужно узнать. Но проверяемое начало.

Вера не убрала карточку сразу.

— Почему вы не отдали её вчера?

— Я боялся, что вы откажетесь идти дальше. А теперь понимаю, что пытался решить за вас.

Он сказал это без красивого выражения лица и без просьбы пожалеть его. Вера впервые увидела в его спокойствии не силу, а трудное усилие не оправдываться.

— Я проверю, — ответила она.

— Знаю.

Они дошли до трамвайной остановки, сохраняя между собой расстояние, на котором нельзя случайно коснуться рукой. Вера могла бы спросить, сколько гражданских часов осталось на его счёте. Не спросила: сейчас этот вопрос прозвучал бы как попытка погасить недоверие сочувствием.

На остановке телефон подал сигнал. Пришло уведомление из архивного бюро: по её запросу о предварительной проводке временных суток предоставлена новая связанная запись. Вера открыла вложение. В графе «отправитель» стояло Д-12 — депо, закрытое три года назад. В графе «получатель» — безымянный медицинский контур с регистрацией «Берег, резервный сектор». А внизу, под чужими печатями, значилось: «Основание: согласие пациента № АВ-204».

Она перечитала номер. У Аси Вельт на браслете в коридоре было выбито «АВ-204». Девочка сказала, что не соглашалась на повторную процедуру.

— Что там? — спросил Илья.

Вера показала ему только первую страницу, не отправляя файл по сети.

— Кто-то собирается использовать её согласие, которого нет.

Илья прочитал дату исполнения: семнадцатое ноября, шесть часов десять минут утра.

— Это не подтверждение операции, — сказал он. — Пока только зарегистрированное основание. Нужно получить оригинал согласия и проверить подпись.

— У нас меньше суток.

— Да.

Вера позвонила Маре. Та ответила сразу, но прежде чем Вера успела произнести номер, в трубке прозвучал голос Аси:

— Мама в процедурной. Вы нашли ещё что-то?

Вера посмотрела на дождь, на мокрые ступени эстакады и на человека рядом, который наконец позволил ей увидеть часть своего прошлого.

— Да, — сказала она. — И на этот раз мы сначала спросим тебя.

Глава 7. Семь минут под мостом

— Сначала спросим меня о чём? — голос Аси в телефоне прозвучал сердито, но за этой сердитостью Вера услышала усталость.

Вера стояла на трамвайной остановке под эстакадой. Дождь усиливался. На мокрой плитке отражалась надпись «ЛИНИЯ ВОССТАНОВЛЕНА», хотя поезда на табло всё ещё шли с опозданием.

— О том, что от твоего имени зарегистрирован запрос на новую процедуру, — ответила она. — Она назначена на завтра, на шесть десять. Я пока не знаю, кто подал запрос. У тебя должны спросить согласие. Тебя спрашивали?

— Нет. — Ася ответила сразу. — У нас даже не было разговора с врачом. Мама только ходила к администратору. Она не подписывала за меня ничего. По крайней мере, так сказала.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать. Это у меня в карточке написано. Почему все начинают с возраста, когда хотят не услышать ответ?

— Потому что мне нужно знать, по какому правилу можно запросить документ. Не потому, что я считаю тебя маленькой.

После паузы Ася произнесла:

— Я не дам брать у меня ещё время. Даже если они пообещают вернуть старое. Передайте это тому человеку, который всё время молчит рядом с вами.

Илья стоял в двух шагах. Он отвёл взгляд от путей, когда Вера подняла на него глаза.

— Он слышит, — сказала она. — И ты можешь повторить это ему сама, когда захочешь.

— Тогда приезжайте сейчас. Мне кажется, кто-то меняет записи в моей карточке. Она открывается, закрывается и снова открывается, хотя я ничего не делаю.

Связь оборвалась не из-за гудка. Вера услышала резкий треск, затем ровную тишину. На экране осталось «соединение завершено по требованию абонента», хотя Ася не попрощалась.

Илья заметил надпись.

— В «Береге» есть местный режим изоляции, — сказал он. — Когда он включён, внешние соединения обрываются. Это может быть обычная проверка оборудования.

— Но вы так не думаете.

— Я думаю, мы обязаны узнать, что там происходит, прежде чем придумывать причину.

Вера убрала телефон.

— Тогда идём. Но все документы получаем через Асю. Не через вашу старую должность и не через знакомства Мары.

— Согласен.

— И если вы собираетесь сделать что-то опасное, скажите мне до того, как сделаете.

Илья задержал ответ на долю секунды.

— Постараюсь.

— Нет, — сказала Вера. — Это не то слово.

— Скажу, если буду знать заранее.

Она сочла этот ответ достаточно точным, хотя он ей не понравился.

В «Береге» пахло мокрой одеждой, дезинфицирующим средством и сладковатым паром от автомата с горячими напитками. Мара встретила их у дверей малого зала ожидания. Лицо её было напряжённым, но голос оставался удивительно ровным.

— Я не просила вас возвращаться, — сказала она.

— Вас не должно было быть в процедурной, пока вы не поговорили с дочерью о новой заявке, — ответила Вера.

— В процедурной мне ставили датчик для посетителей. И я уже поговорила с ней. Она не согласна.

— Вы можете подтвердить, что ничего не подписывали?

— Могу. Но от моего слова пользы столько же, сколько от их слов о её здоровье.

Вера не стала спорить. Они прошли к Асе. Девушка сидела у окна, держа на коленях тонкую куртку. Из рукава выглядывал браслет с номером АВ-204. Рядом лежал листок, исписанный мелким ровным почерком.

— Я выписала всё, что заметила, — сказала Ася без приветствия. — В восемь сорок карточка показывала «выписка согласована». В девять двенадцать — «ожидание подписи». А теперь — «обслуживание заблокировано». Но я не просила выписку.

Вера присела рядом.

— Можно посмотреть?

Ася протянула листок, но удержала один угол.

— Только если вы не будете делать из меня доказательство без моего разрешения.

— Не буду.

Ася отпустила бумагу.

Вместо того чтобы сфотографировать экран, Вера предложила подать официальный запрос на просмотр истории изменений. Право доступа имела сама Ася. Администратор сначала отказал, сославшись на техническую профилактику, но после того как девушка попросила зарегистрировать письменный отказ и назвать фамилию ответственного, принёс терминал с бумажным принтером.

Принтер дважды зажевал ленту. На третьей попытке выдал таблицу операций. В столбце «основание изменения» трижды повторялся один и тот же код: ЗЩ-17. В столбце «оператор» вместо фамилии стояло «удалённый служебный шлюз».

— Что такое ЗЩ? — спросила Ася.

— «Защитный шлюз», — ответил Илья. — Так маркируют операции, которые система считает необходимыми для безопасности контура.

— Моей безопасности?

— Это из кода не следует.

Вера почувствовала, что Ася внимательно следит не столько за ответом, сколько за тем, попытался ли он её успокоить.

— Сохраните копию в своём досье, — попросила Вера администратора. — И дайте нам номер регистрации выдачи.

Тот сжал губы, но выполнил просьбу.

У дверей палаты их остановила медсестра в сером халате.

— Пациентка должна пройти контрольную синхронизацию, — объявила она. — Указание отделения.

— Какая процедура? — спросила Ася.

— Только измерение.

— Тогда покажите назначение.

Медсестра посмотрела на Мару. Мара уже шагнула вперёд, но Вера остановила её лёгким движением руки. Ася сама повторила просьбу. Медсестра открыла планшет и побледнела.

— Здесь стоит перевод в резервный сектор, — произнесла она. — Я не оформляла его.

С потолка прозвучал негромкий сигнал. На электронных указателях погасли стрелки к выходу. Вместо них появились синие полосы: «САНИТАРНАЯ МАРШРУТИЗАЦИЯ».

Илья посмотрел на распечатку в руках Веры.

— Отмечен удалённый шлюз. Запрос истории вызвал проверку целостности, — сказал он. — Возможно, кто-то решил закрыть запись вместе с человеком, к которому она относится.

— Возможно? — переспросила Мара.

— Да. Не буду выдавать предположение за факт.

В конце коридора открылась служебная дверь. Из неё вышли двое сотрудников охраны без медицинских знаков. Один сверился с фотографией на планшете. Другой посмотрел прямо на Асю.

— Пациентка Вельт? Проследуйте с нами для служебной сверки.

— Нет, — сказала Ася.

— Это обязательная процедура.

— Покажите распоряжение, — потребовала Вера.

Охранник повернул к ней планшет. В углу мелькнул красный знак — допуск Службы времени, а не больницы. Вера успела прочитать только первые слова: «Изъять носитель доступа».

— Вы не имеете права выводить её без медицинского сопровождающего и согласия, — сказала медсестра и неожиданно встала перед Асей.

Второй охранник заговорил по связи. Илья медленно поднял руки, показывая, что ничего не держит.

— Посмотрите на пункт о носителе, — сказал он старшему. — Вы выполняете не санитарное распоряжение. Если попытаетесь увезти несовершеннолетнюю по этому коду, запись останется на вашем личном идентификаторе.

Старший опустил планшет. Этого короткого замешательства хватило, чтобы медсестра повернула Асю к боковой двери.

— Выход для снабжения через задний двор, — быстро сказала она. — Там нет приёмной камеры, но есть охрана у ворот.

— Если мы уйдём, вас накажут, — сказала Ася.

— А если останетесь, я не знаю, кто примет вас в резервном секторе. Идите.

Они не побежали сразу. Пока медсестра шла впереди, Вера удерживала себя от желания подгонять девушку, которая после нескольких лестничных пролётов уже тяжело дышала. Илья замыкал маленькую группу. Мара всё время оглядывалась, будто выбирала, кому первому дать отпор.

Дверь склада вывела их к узкой площадке над дождевыми отстойниками. Дальше начиналась дорожка к старому путепроводу, пересекавшему реку и технические ветки. Под мостом шёл сервисный проход, по которому везли контейнеры между медицинским кварталом и грузовой линией.

На площадке Илья остановился.

— Ниже — охранная дуга. Она отмечает гражданские идентификаторы, пересекающие периметр. Если система связала Асю с распоряжением, у ворот нас перехватят.

— И что вы предлагаете? — спросила Мара.

— Сначала узнать, закрыт ли городской маршрут. Вера, проверьте трамваи на восточном берегу.

Вера открыла публичное расписание. Строка маршрута мигнула и сменилась словом «ограничен». Илья показал на противоположный берег: там, за мокрыми опорами моста, горел жёлтый свет старого диспетчерского поста.

— Эда может принять нас в техническом отсеке. Но до её линии нужно пройти охранную дугу.

Мара протянула ладонь к Асе.

— Давай браслет. Я отнесу его в другую сторону.

— Нет, — ответила Ася. — Он фиксирует, что со мной происходит. Это мой документ.

— За ним идут люди.

— Значит, они не должны получить его.

Вера встала рядом с девушкой.

— Есть другое решение?

Илья не ответил. В стекле двери его лицо казалось старше, чем утром. Он изучал схему охранной дуги, которую вывел из открытого служебного справочника на терминале обслуживания. Код был старым, но схема совпадала с установленными на мосту катушками.

— У этой системы есть резервный протокол, — наконец сказал он. — Когда платёжный шлюз теряет синхронизацию, она прекращает проверки до восстановления доверенного интервала. В штатном режиме это несколько секунд. При ручной подаче подтверждённого гражданского времени — до семи минут.

— Что значит «подаче»? — спросила Вера.

— Передаче. Безвозвратной. Система списывает интервал со счёта того, кто принимает ответственность за остановку проверки.

Мара резко выдохнула.

— Тогда ни в коем случае. Пускай мои люди срежут катушки.

— За катушками медицинская связь, — сказал Илья. — Выключите их грубо — можете нарушить работу соседних контуров. Мы этого не знаем наверняка, но рисковать пациентами нельзя.

— Вы предлагаете расплатиться собой вместо города, — сказала Вера.

— Я предлагаю выбрать ограниченный ущерб вместо неизвестного.

— Сколько у вас осталось?

Он посмотрел на неё, но не на счётчик.

— Не настолько мало, чтобы семь минут остановили моё сердце. И достаточно мало, чтобы я не притворялся, будто их не жалко.

Вера впервые услышала в его голосе раздражение. Не на неё — на необходимость снова превращать собственную жизнь в строку расчёта.

— Вы обещали предупреждать заранее, — сказала она.

— Я предупреждаю.

Она проверила схему на экране. Резервный протокол действительно существовал в публичной документации об аварийных задержках, но графа «ответственность» в открытой части была пуста. Нельзя было подтвердить ни точную стоимость, ни надёжность метода.

— У нас нет доказательства, что всё сработает, — сказала Вера.

— Нет. Есть вероятность и опыт. Это не одно и то же.

За дверью склада ударило что-то тяжёлое. Через стекло они увидели полосы света. Охрана нашла выход.

— Решайте быстро, — сказала Мара. — Или я решу сама.

— Ася решает, куда идти, — возразила Вера. — Не вы и не я.

Девушка прислонилась к стене. Дождь стекал по её волосам.

— Я хочу уйти. И я хочу, чтобы вы перестали разговаривать обо мне как о грузе. Могу я пройти этот мост сама?

— Если вам станет плохо, будем останавливаться, — сказала Вера. — Никакой гонки, в которой вы обязаны выдержать чужой темп.

— Тогда я иду.

Они спустились по металлической лестнице. Внизу грохот машин превращался в плотный ровный шум. Река под опорами была бурой от дождя; в воде дрожали огни санитарного квартала. Под мостом тянулась жёлтая полоса безопасного прохода. Каждый шаг по решётчатому настилу отдавался в костях.

На середине первого пролёта загорелся красный маяк. Из бокового короба выдвинулась камера, и холодный голос произнёс:

— Обнаружен объект, подлежащий служебному сопровождению. Ожидайте персонал.

— Это я объект? — спросила Ася.

— Сегодня так написали в их программе, — ответила Вера. — Но это не делает запись правдой.

С другой стороны прохода появилась фигура охранника. Илья остановился у сервисной панели. Он достал из кармана собственный идентификатор — тонкую пластину с потускневшими краями. Вставил её в приёмник и закрыл крышку от дождя ладонью.

— Илья, — сказала Вера. — Если интерфейс попросит сумму, покажите мне до подтверждения.

— Покажу.

Экран вспыхнул: «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ МОНИТОРИНГА». Ниже появилась ставка: 00:07:00 гражданского времени. Затем предупреждение о том, что перевод не подлежит отмене административным решением.

Вера прочитала все строки. Именно этого он и ждал: не согласия на его смерть, а возможности увидеть факт до поступка.

— Слишком высокая цена, — сказала она.

— Да.

— Можно отступить к складу.

Илья посмотрел через плечо. Оттуда уже слышались шаги. Охранник на дальнем конце прохода поднял передатчик.

— Тогда они заберут Асю. Мара попытается отбить её. И мы получим перестрелку рядом с медицинской линией.

— Нельзя быть уверенным, что так случится.

— Нельзя. Но сейчас у меня есть выбор, последствия которого я могу назвать.

Она хотела сказать, что и он сам не обязан становиться расходным материалом. Но эта фраза решила бы за него ровно то, против чего она возражала весь день.

— Я не даю вам разрешения, — сказала Вера. — Вы взрослый человек и сами отвечаете за себя. Я прошу только одного: не называйте этот поступок бесплатным.

— Не назову.

Он приложил большой палец к пластине.

На экране не произошло ничего зрелищного. Число «00:07:00» стало серым, а под ним появился номер безвозвратной операции. За спиной щёлкнул механизм камеры. Красный маяк погас, но жёлтая линия на полу осталась гореть.

— Резервный интервал открыт, — объявил голос. — Контрольный опрос приостановлен.

Илья вынул пластину. Его рука едва заметно дрогнула. Вера увидела это и не сделала вид, будто не заметила.

— Идём, — сказал он. — Семь минут — не подарок. Их не стоит тратить на разговоры здесь.

Мара пошла впереди, проверяя решётку ногой перед каждым шагом. Ася держалась за поручень, а Вера шла рядом. Илья остался позади, чтобы следить за индикатором восстановления проверки. Он назвал им время: шесть минут сорок секунд.

На третьем пролёте Ася остановилась. Дыхание сбилось; колени подогнулись. Мара вскрикнула и подхватила дочь за локоть, но та раздражённо отстранилась.

— Не тяните меня. Просто дайте постоять.

Вера присела, чтобы увидеть её лицо.

— Тебе больно?

— Нет. Как будто лифт внутри меня остановился, а тело ещё едет.

— Сколько времени нужно?

— Не знаю.

— Тогда столько, сколько нужно.

На дальнем конце настила послышался металлический стук. Илья подошёл к ним. Не взял Асю на руки, не приказал идти. Он достал из кармана бумажный пакет с сахарными таблетками, которые в медцентре выдавали пациентам при падении давления.

— Медсестра положила их мне, когда мы выходили, — сказал он. — Но я не знаю, подходят ли они тебе. Ты принимала такие раньше?

— Да. По одной. Мне сказали, если начинает кружиться голова.

Она взяла таблетку сама. Мара молча опустилась рядом. Несколько секунд они сидели под оглушительным шумом машин, не пытаясь превратить это молчание в урок о смелости.

— Четыре минуты пятьдесят, — произнёс Илья.

Ася встала только тогда, когда смогла сделать два ровных шага. Вера не торопила её. За это время из прохода за ними донёсся голос охранника:

— Группа! Вернитесь для идентификации!

Мара резко обернулась.

— Не вступать в разговор, — сказал Илья. — Пока опрос приостановлен, он не может получить подтверждение нашего маршрута. Только видит нас глазами.

— А когда восстановится?

— Тогда нам лучше уже быть за границей дуги.

Последние двадцать метров они прошли почти без слов. У выхода Илья постучал в металлическую дверь условленным ритмом — два коротких удара, один длинный. За дверью заскрежетал замок. Эда Мор стояла на пороге в рабочем жилете, с фонарём и пачкой чистых бланков в руке.

— Я просила вас не приводить сюда службу, — сказала она.

— Мы не приглашали, — ответила Вера.

Эда отступила, пропуская их в тесную диспетчерскую. Через её окна были видны мокрые стыки старого моста и медленно идущий грузовой состав. Эда немедленно закрыла железную заслонку, но не включила общий глушитель связи.

— Если заглушу всё, «Берег» потеряет резервный канал на восточный берег, — объяснила она. — Поэтому будем действовать без эффектных жестов.

Она помогла Асе устроиться на скамье и вызвала дежурную медицинскую бригаду по независимому городскому номеру. Мара хотела возразить — боялась, что вызов привлечёт охрану, — но Ася сказала, что хочет, чтобы её осмотрел врач, которому не принадлежит её карточка.

Вера положила на стол распечатку истории изменений и номер операции с панели моста. Илья продиктовал его по памяти, пока её телефон ещё сохранял служебное уведомление. Эда сверила последовательность цифр с журналом охранной дуги.

— Семь минут ровно, — сказала она. — Вы не отключили контроль. Вы оплатили его законную паузу. Кому-то придётся объяснить, почему здесь вообще оказался приказ на изъятие девочки.

— А это можно доказать? — спросила Ася.

— В логах есть причина включения дуги, — ответила Эда. — Но право получить их — вопрос отдельный. Я зафиксирую неизменяемую копию и зарегистрирую её у независимого уполномоченного. Вы решите, хотите ли выступать с жалобой.

— Хочу, — сказала Ася после паузы. — Но сначала хочу знать, что произошло с моими двумя годами.

Мара отвернулась к окну. Вера увидела, как трудно ей сейчас не перебить дочь обещанием немедленной расплаты.

Илья опёрся на край стола. Вера заметила, что он держит правую руку неподвижно, словно старается унять дрожь. Она поставила перед ним стакан воды.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Это вода.

Он слабо улыбнулся.

— Вы всё ещё сердитесь.

— Да. Потому что я не знаю, сколько таких минут вы уже отдали и сколько собираетесь отдавать дальше.

— Некоторые из них отданы не туда, куда следовало.

— Не отвечайте загадками, Илья. Не сейчас.

Он посмотрел на Асю, на Мару, на Эду. Затем на пустое место у стены, где можно было говорить не при всех.

— После того как врач закончит, я покажу вам все переводы, которые сохранил, — сказал он негромко. — Не только сегодняшние семь минут.

— И те, о которых вам стыдно?

— Прежде всего их.

Вера не приблизилась к нему. Но и не отвернулась.

За стеной диспетчерской включился старый механический счётчик. Его ход отмерял секунды без торжественности и без милосердия. Снаружи охранная дуга вновь начала опрашивать проход, но те, кого она должна была задержать, уже находились по другую сторону моста.

Эда сняла со служебного принтера второй лист. Вера увидела заголовок: «Маршрутизация медицинских носителей. Контур 47». Ниже, рядом с номером АВ-204, стоял ещё один идентификатор. Она узнала его по ведомости из тринадцатого вагона — метка кассеты, связанной с Львом.

— Почему это здесь? — спросила Вера.

Эда прочитала строку и впервые за всё время встречи не смогла сохранить привычное спокойствие.

— Потому что завтра в шесть десять они собираются не только взять время у Аси, — сказала она. — Они собираются провести её через тот же канал, по которому увели вашего брата.

Вера осторожно положила ладонь на распечатку, чтобы сквозняк не сдвинул лист. Впервые за день она думала не о том, сколько у них осталось времени, а о том, как сделать так, чтобы следующий шаг был выбран самой Асей, а не записан за неё кем-то другим.

Глава 8. Неучтённые

В диспетчерской стало так тихо, что Вера услышала, как за стеной наполняется водой водосточная труба. Эда держала распечатку за верхний край. Внизу листа дрожала тонкая серая полоска — след изношенного принтера, не предусмотренный ни одним служебным форматом.

— Вы сказали «увели», — произнесла Вера. — В прошлый раз вы говорили, что видели только маршрут кассеты. Что изменилось?

— Ничего, что даёт мне право говорить за человека, — ответила Эда. — Идентификатор Льва совпадает с направлением медицинского носителя. В закрытом контуре могут перевозить и материалы, и людей. Я не знаю, находится ли он там сейчас.

Мара шагнула к столу.

— Зато вы знаете, что завтра они заберут мою дочь.

— Они подали заявку на транспортировку, — уточнила Вера. — Это не одно и то же. В заявке должна быть санкция, которую можно остановить.

— Вот её и остановите, — сказала Ася с лавки. Голос был хриплым после дождя и бега. — Только сначала объясните мне, что значит «медицинский носитель». Я сижу здесь, а вы говорите так, будто обсуждаете груз.

Эда опустила лист.

— Иногда пациенту ставят временной стабилизатор. Для транспортировки через синхронизируемый участок нужен носитель с медицинским допуском. Система присваивает код пациенту, его прибору и сопроводительным данным. Если кто-то оформил перевозку без твоего согласия, это нарушение.

— И если прибор мне уже поставили? — спросила Ася.

Никто не ответил сразу. Вера помнила медицинскую карту и запись о повторном вмешательстве, сделанную без подписи девушки.

— Мы попросим независимого врача проверить, что у тебя установлено, — сказала она. — Без вмешательства и без обещаний, которых не можем выполнить.

— Я согласна на осмотр, — сказала Ася. — Но не на ещё один эксперимент.

За железной дверью дважды постучали. Эда узнала условный сигнал и открыла небольшой смотровой проём. Медицинская бригада приехала без эмблемы Службы времени: женщина средних лет с потёртой сумкой и молодой санитар с переносным монитором. Врач представилась доктором Лией Садовской и сразу обратилась к Асе, а не к её матери.

— Вы хотите, чтобы я вошла? Можно отказаться. Мне передали только, что после нагрузки возникло головокружение.

Ася кивнула. Мара принялась рассказывать, что случилось на мосту, но дочь подняла ладонь.

— Я сама. Меня пытались вывезти по медицинскому приказу. Я убежала. На мосту стало плохо. Сейчас лучше. Проверьте, пожалуйста, сердце и контур, если это можно сделать без доступа к их реестру.

— Можно начать с обычного осмотра, — сказала Лия. — Согласие на приборы попрошу отдельно.

Пока врач занималась пациенткой, Эда заперла копии ведомостей в металлический ящик. Илья стоял у окна и держал мокрый рукав на расстоянии от кожи. Вера подошла к нему.

— Вы обещали показать переводы.

— Помню. Но сначала я должен сказать, почему эта больница существует.

— Какая больница?

— Та, куда Эда собирается отправить Асю. У города есть пациенты, которым система списала одни и те же сутки дважды. Официально таких людей нет. Они исключены из страхового реестра и не могут обратиться за обычной помощью.

Вера посмотрела на Илью. На его лице не было торжества человека, сообщающего тайну.

— Вы знаете их лично?

— Некоторых. Я оплачивал лекарства, когда мог. Иногда — доступ к медицинским устройствам. Это не оправдание моих умолчаний.

— Нет, — согласилась Вера. — Но это причина пойти и увидеть их самим.

Лия закончила осмотр. Сердечный ритм Аси восстановился; внешний датчик показал нестабильную связь с имплантированным устройством, но не позволял определить, что именно перенастроили в «Береге».

— Везти её в любое место с неизвестным оборудованием я не советую, — сказала врач. — Ей нужна площадка, где смогут безопасно снять диагностику без подключения к центральному контуру. Я знаю одну. При условии, что Ася сама согласится.

Ася посмотрела сначала на врача, затем на мать.

— Согласна. Только бумаги останутся у меня.

— И у тебя будет копия всех измерений, — ответила Лия.

Они вышли из диспетчерской через нижний служебный коридор. Эда задержалась, чтобы зарегистрировать номер охранной операции у независимого уполномоченного, а потом обещала присоединиться. Снаружи дождь перешёл в мелкую холодную морось. Машина врача была обычным фургоном для доставки белья: на двери облупилась синяя краска, от отопителя пахло пылью. Никто не называл это приключением.

Вера села позади рядом с Асей. Мара устроилась впереди, не переставая оглядываться. Илья занял место возле задней двери. Телефон Веры показывал 03:18, но часы на приборной панели отставали на четыре минуты.

— Локальная синхронизация? — спросила она.

— Старый аккумулятор, — ответила Лия. — Не всё на свете связано с временными контурами.

Ася впервые за эту ночь улыбнулась.

Через двадцать минут фургон свернул во двор бывшей прачечной в северной части Ладена. Там висела выцветшая вывеска «Мастерская швейных машин». Изнутри доносился тяжёлый гул вентилятора и запах сваренного риса. Под лестницей стояли детские ботинки, выставленные парами, словно кто-то хотел доказать, что дом ещё умеет вести нормальную жизнь.

У входа Лия остановилась.

— Здесь действует правило: никаких фотографий лиц, никаких списков пациентов за пределами медицинского кабинета. И никто не получает доступ к человеку только потому, что привёл его сюда.

Мара хмуро кивнула. Вера убрала телефон в сумку.

Дверь открыла пожилая женщина с короткими седыми волосами. На халате у неё не было фамилии, только маленькая вышитая стрелка, указывающая вверх.

— Две койки свободны, — сказала она Лие. — И чайник работает. Это всё, чем можем похвастаться.

— Ещё вы умеете держать язык за зубами, Галя, — ответила Лия.

— Этим сегодня никого не удивишь. Заходите.

За первой дверью располагалась комната с двенадцатью кроватями и высокими окнами, заклеенными от холода прозрачной плёнкой. На кроватях лежали не только старики. Молодой мужчина с перевязанной рукой учил девочку собирать бумажного журавля. У стены женщина

в деловом костюме пыталась налить себе чай, но держала чашку обеими руками: пальцы дрожали.

Вера ожидала увидеть людей, которых система назвала бы обездоленными. Но перед ней были обычные соседи, коллеги, родители — люди, вынужденные объяснять собственное существование.

— Их называют неучтёнными, — сказал Илья тихо. — В документах так не пишут. Это слово придумали здесь.

— Кто они? — спросила Вера.

Мужчина с бумажным журавлём поднял голову.

— Можете спросить у меня. Я слышу.

Вера подошла и представилась. Его звали Павел Лихов, ему было тридцать четыре. Он работал электриком на грузовой линии и два года назад продал трое суток, чтобы оплатить операцию сыну. Контракт был зарегистрирован, списание проведено. Через четыре месяца ему предъявили второй долг за те же трое суток — как будто первая операция не состоялась.

— Я принёс квитанцию, — сказал Павел. — Они сказали: квитанция настоящая, но ваш первоначальный долг не закрыт. Два взаимоисключающих ответа в одном окне. Потом мой счёт заблокировали, а страховая перестала оплачивать лечение руки.

Он развернул папку. На двух бумагах стоял один и тот же уникальный номер временного интервала, но разные номера получателя. Вера достала блокнот.

— Можно переписать эти номера без вашего имени?

— Можно. Если потом покажете, что из этого вышло.

— Покажу. Но не обещаю, что смогу вернуть время.

— Хорошо, — сказал Павел. — Мне давно перестали говорить правду даже о том, чего не могут.

За соседним столом женщина с дрожащими руками назвала себя Ириной Бек. Она была бухгалтером, пока не потеряла доступ к корпоративной сети из-за оспариваемого статуса. Её двойное списание прошло не с разницей в четыре месяца, а с разницей в четырнадцать минут.

— Я увидела вторую запись раньше, чем они закрыли доступ, — сказала Ирина. — Там был другой адрес контура. Не медицинский. Коммерческий.

— Вы сохранили его? — спросила Вера.

Ирина постучала пальцем по виску.

— Только здесь. А вам ведь нужны не воспоминания.

— Мне нужны и показания, и независимая запись, — ответила Вера. — Одно без другого слишком легко оспорить.

— Тогда спросите у вашей диспетчерши о пакетах сверки. Я пыталась жаловаться, но все запросы возвращались в тот же кабинет, который проводил списания.

Вера записала термин. Пакеты сверки использовались в транспортном Управлении для восстановления учёта после сетевых сбоев. Если аналог существовал у Службы времени, он должен был содержать исходные назначения — до того, как их переписали в публичном реестре.

Санитар пригласил Асю в отдельный кабинет. Лия объяснила, что проверит параметры стабилизатора и покажет ей экран до сохранения результатов. Мара хотела войти вместе с дочерью, но Ася остановила её у порога.

— Мам, пожалуйста. Подожди здесь. Я хочу сама задать вопросы.

Мара отступила не сразу. Потом села на край пустой кровати и положила руки на колени, как человек, которого впервые попросили не спасать.

Вера осталась рядом. В другое время она бы предложила утешение, но сейчас любое слово звучало бы слишком дёшево.

— Я не умею стоять в стороне, — сказала Мара наконец.

— Она не просит вас стоять в стороне, — ответила Вера. — Она просит не стоять вместо неё.

Мара долго смотрела в закрытую дверь.

— Когда ей было девятнадцать, я подписала разрешение на обследование. Мне сказали, что без него она потеряет доступ к поддержке. Тогда я поверила. Теперь она считает, что я решила за неё всё.

— Вы пытались её защитить.

— И подписала то, чего не понимала. Обе вещи могут быть правдой.

В дальнем конце комнаты Илья помогал Галине починить кабель у переносного генератора. Он не искал взгляда Веры. Приходилось признать: в его молчании иногда было больше уважения к чужим границам, чем в чужих уверенных обещаниях.

Вера подошла, когда он закончил.

— Вы говорили о переводах, — напомнила она.

Илья достал из внутреннего кармана тонкую книжку, переплетённую ниткой. Страницы были исписаны датами, кодами медицинских счетов и суммами гражданского времени. Он подал книжку Вере, не удерживая её за край.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.